

АННОТАЦИИ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии

2 – 4 июня 2026

Грамматические процессы и системы в синхронии

Анисимова Александра Геннадьевна (МГУ имени М.В. Ломоносова). Роль линейных факторов при согласовании с нестандартным контролером в русском языке: экспериментальное исследование

Ахапкина Яна Эмильевна (НИУ ВШЭ). Предлог *поперек* и измерение «по ширине»

Бабаева Елизавета Эдуардовна (ИРЯ РАН). Случай *смотреть увальнем*: семантика конструкции в диахроническом аспекте

Байков Федор Владимирович (МГУ имени М.В. Ломоносова). О (не)допустимости лицензирования отрицательных местоимений предикативами на *не*-вроде *негде*: *еще раз к вопросу о синтаксисе конструкции НЕГДЕ СПАТЬ*

Борискина Ольга Олеговна, Картавцев Владимир Николаевич (ВГУ). К вопросу выделения реципрокально-социативных глаголов: «место встречи» категорий взаимности и совместности

Борисова Елена Георгиевна (ГАУГН). Грамматические средства маркировки ориентации слушающего (местоимения **один** и **этот**)

Герасимова Анастасия Алексеевна (МГУ имени М.В. Ломоносова). Индивидуальная вариативность в русских биноминативных предложениях

Глазунова Ольга Игоревна (СПбГУ). К вопросу об адъективации причастий в русском языке

Голубева Виктория Константиновна (Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). Адвербиалы со значением состояния при глаголах движения и положения в пространстве

Гращенков Павел Валерьевич (МГУ имени М.В. Ломоносова). Русская именная группа: некоторые аспекты диахронических изменений

Давидюк Татьяна Игоревна (Институт языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова). Семантика сочинённых подлежащих и вариативность лично-числового согласования: экспериментальное исследование

Добровольский Дмитрий Олегович, (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова / Ин-т языкознания РАН), Зализняк Анна Андреевна (Ин-т языкознания РАН). *Дверь не открывается*: к вопросу о русском модальном пассиве

Дорофеева Елизавета Павловна (МГУ имени М.В. Ломоносова). Парадигматические пробелы и их «спасение» эллипсисом: экспериментальное исследование

Дымарский Михаил Яковлевич (РГПУ им. А. И. Герцена / ИЛИ РАН). Комбинации сочинительных союзов

Зевахина Наталья Александровна (ИЛИ РАН). Main clause phenomena в подчиненном контексте при цитировании

Иткин Илья Борисович (ИВ РАН / НИУ ВШЭ). О соотношении подлежащего и сказуемого в русском и других языках «номинативного» строя

Казаковская Виктория Виладиевна (Институт лингвистических исследований РАН). Модальные особенности устной речи взрослых, обращенной к разным адресатам

Кашкин Егор Владимирович (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова / МГУ им. М. В. Ломоносова). Модели полифункциональности маркеров рестриктивного фокуса: данные языков Волго-Камского ареала

Костомарова Ксения Павловна. Супплетивные формы сравнительной степени прилагательных *хороший* и *плохой* и их конкуренция в истории русского языка

Крайнова Анастасия Владимировна (МГУ им. М.В. Ломоносова), Паско Лада Игоревна (МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т языкознания РАН). Реконструкция для принципа С и синтаксис относительных клауз в русском языке

Крылов Сергей Александрович. Об апостериорном металингвистическом подходе (АМП) к русской грамматике

Кустова Галина Ивановна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Агентивные и экспериенциальные наречия: контроль субъекта

Лазуткина Елена Михайловна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Композиционная семантика глагольных предложений с бытийным компонентом

Левонтина Ирина Борисовна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Прием обращения к воображаемой аудитории в русской грамматике

Летучий Александр Борисович (НИУ ВШЭ / ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Русские сложные слова: суффиксы

Лютикова Екатерина Анатольевна (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва). Малые клаузы в русском языке: подъем и контроль

Матханова Ирина Петровна (Новосибирский государственный педагогический университет). Местоименный предикатив *незачем*: вопрос о сфере отрицания

Оскольская Софья Алексеевна (ГИРЯ им. А. С. Пушкина / ИЛИ РАН). Конструкции с внешним посессором в нанайском языке

Пекелис Ольга Евгеньевна. *Некогда* как маркер изменения ситуации: из истории местоимений на *не*-

Рахилина Екатерина Владимировна (ИРЯ РАН), А. Симакина (НИУ ВШЭ). Отрицательная полярность в императивных конструкциях.

Сайк Ольга Юрьевна (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН). Формы партитива в парадигме недавних заимствований

Симонова Вера Львовна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Наблюдения над грамматикализацией предложных образований с существительным «понятие» и его синонимами

Синицына Юлия Вячеславовна (МГУ имени М. В. Ломоносова / ГИРЯ им. А. С. Пушкина). Варьирование краткой формы и инструменталиса полной формы в адективных сказуемых в конструкциях с субъектным контролем (экспериментальное исследование)

Татовосов Сергей Георгиевич (МГУ имени М. В. Ломоносова). Русский средний

Тестелец Яков Георгиевич (Ин-т языкознания РАН, РГГУ), Калякин Иван Викторович (Ин-т языкознания РАН, РГГУ). *Свой* и *чужой*: анафора и не только

Урысон Елена Владимировна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Еще раз о специфике русского глагольного вида

Урысон Елена Владимировна (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова), П.Д. Ролдугина (ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова). Об актантной структуре наречий

Холодилова Мария Александровна (ИЛИ РАН / Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”). Грамматические проявления лексикализации сочетания отрицательной частицы и глагола в русском языке

Хомченкова Ирина Андреевна (Институт языкознания РАН / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова). Соединение клауз с помощью аддитивной частицы *по* в татышлинском говоре удмуртского языка

Циммерлинг Антон Владимирович (Институт языкознания РАН). Логическая форма и грамматика

Грамматические процессы и системы в диахронии

Антонова А. Н. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Глагольное согласование при числовых сочетаниях по данным древнерусских и старорусских летописных памятников

Буденная Е. В. (Институт языкознания РАН). Гипокористические антропонимы на -ец в древнерусском языке: семантика, прагматика и социальная динамика (XI–XVII вв.)

Вернер И. В. (Институт славяноведения РАН). Грамматика и синтаксис библейского паратекста в кратких содержаниях евангельских глав старопечатных изданий 1657–1814 гг.

Галинская Е. А. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Числовые формы существительных с вещественным значением в старорусских памятниках письменности делового и бытового содержания

Герасимов Д. В. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Семантическая сочетаемость полузнаменательного глагола (у)чинить(ся) в переводах иностранной прессы второй половины XVII в.

Крылов Д. С. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) Диттографии гласных в берестяных грамотах и древнерусское ударение

Крысько В. Б. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). О дополнениях и исправлениях к Словарю древнерусского языка

Мишина Е. А. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). Об особенностях аспектуальной семантики некоторых глаголов движения в истории русского языка

Пентковская Т. В. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Формы сослагательного наклонения в переводах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского с греческого языка

Пенькова Я. А. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), Скрипка В. К. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). О грамматикализации неопределенных местоимений на *-то* в истории русского языка

Подтергера И. А. (Гейдельбергский университет, Гейдельберг, Германия). Структурно-семантическая разметка словаря Фёдора Поликарпова в стандарте TEI/XML

Томеллери Витторио С. (Туринский Университет, Турин, Италия). К проблеме параллельных и повторных переводов: восточнославянские версии гимна *Te Deum*

Шведов Д. А. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Употребление предлогов *о*, *об* и *обо* в старорусском языке по данным старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка

Шевелёва М. Н. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). К истории русских начинательных глаголов движения с приставкой *по-*

Юрьева И. С. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). Об изменениях в сочетаемости глагола (НА)ЧАТИ/начать в истории русского языка

Грамматические процессы и системы в синхронии

Анисимова Александра Геннадьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Роль линейных факторов при согласовании с нестандартным контролером в русском языке: экспериментальное исследование

Введение и постановка проблемы

Согласование в русском языке демонстрирует вариативность в случаях, когда в роли контролера согласования выступает сочиненная группа или конструкция с количественным существительным. При этом доступны две стратегии: согласование по множественному числу (*семантическое*; (1)) и по единственному числу (*грамматическое*; (2)).

(1)а. Мать и отец *пришли* на детский утренник.

б. Большинство студентов *прогуляли* занятия в субботу.

(2) а. На детский утренник *пришел* отец и мать.

б. Большинство студентов *прогуляло* занятия в субботу.

Предшествующие исследования указывают на то, что выбор стратегии вариативного согласования может определяться линейными факторами, а именно порядком слов (см. [Кувшинская 2019] для количественных существительных; [Гращенков 2024] для сочиненных подлежащих; [Corbett 1983] для обоих типов конструкций). Однако открытым остается вопрос о том, сохраняется ли действие такого фактора при переходе от одной конструкции к другой, то есть сходно ли влияние порядка слов в контексте сочиненной количественной конструкции.

Ранее нами было показано, что порядок слов является значимым самостоятельным фактором для обоих типов конструкции [Анисимова in progress]. Цель данной работы – проверить единообразие влияния фактора порядка слов на два типа конструкций в единой экспериментальной парадигме, чтобы получить гарантированно сопоставимые результаты и иметь возможность выявить системные различия в механизмах согласования с этими контролерами.

Полагаясь на результаты прошлых экспериментов, мы предполагаем, что порядок слов SV будет способствовать согласованию по множественному числу с сочиненными, но не с количественными группами. В свою очередь порядок слов VS будет повышает приемлемость согласования по единственному числу для сочиненных составляющих, но понижать для количественных групп.

Дизайн и методика экспериментального исследования

Для проверки гипотез был проведен эксперимент по методике скоростной оценки приемлемости (speeded acceptability judgement, RSVP) с контролем времени чтения, который доказал свою эффективность в предыдущих исследованиях [Di Nocera et al. 2018; Анисимова in progress]. Стимулы предъявлялись пословно с фиксированной скоростью 500 мс/слово. Зависимой переменной стала оценка приемлемости по шкале Ликерта (1-7), а независимыми переменными – порядок слов (SV/VS), тип контролера согласования (сочиненная/количественная группа) и стратегия предикативного согласования (мн.ч/ед.ч) Пример экспериментальных предложений см. (3). Дизайн эксперимента 2×2×2. В качестве фиксированных переменных выступили одушевленность именных групп, схема

сочиненной <ИГ1 + и + ИГ2> и количественной составляющей <количественное существительное + ИГ в родительном падеже>. Предикат всегда стоял в прошедшем времени.

(3) 1. На плановом заседании **депутат и сенатор проголосовал/и** за предложенные поправки, убедившись в компетентности экспертов.

2. На плановом заседании, убедившись в компетентности экспертов, за предложенные поправки **проголосовал/и депутат и сенатор**.

3. На плановом заседании **ряд депутатов проголосовал/и** за предложенные поправки, убедившись в компетентности экспертов.

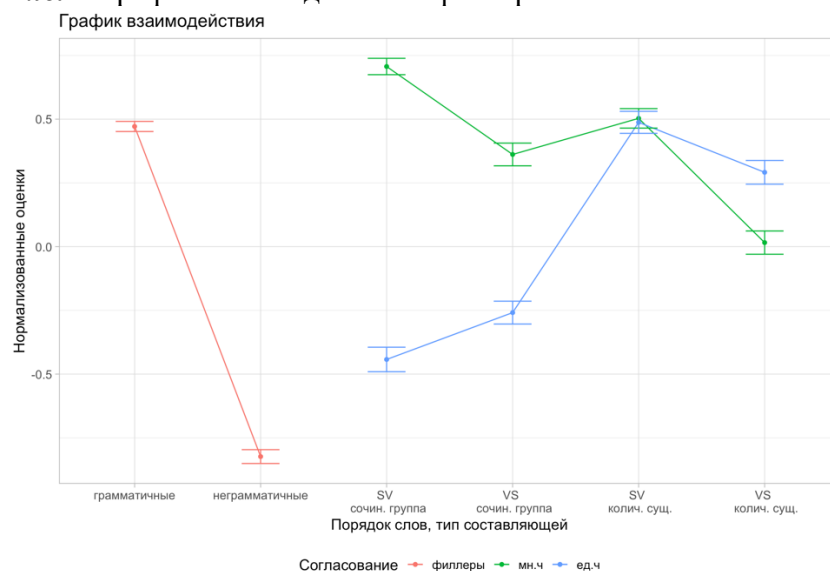
4. На плановом заседании, убедившись в компетентности экспертов, за предложенные поправки **проголосовал/и ряд депутатов** от известных партий.

Всего после отсева по критериям [Герасимова 2021] было проанализировано 79 ответов от носителей русского языка (39 мужчин, 40 женщин; средний возраст 30,1 года).

Результаты

По результатам статистической обработки результатов с помощью линейных смешанных моделей регрессии и попарных сравнений методом Тьюки мы смогли подтвердить обе выдвинутые гипотезы. При порядке слов SV согласование по множественному числу оценивается значимо выше в контексте сочиненного подлежащего (estimate = 1.093, SE = 0.071, df = 243, t-ratio = 15.241, p-value <<0.0001), а в случае количественных групп значимости между оценками двух стратегий согласования не наблюдается (estimate = 0.073, SE = 0.071, df = 243, t-ratio = 1.025, p-value = 0.970) и обе они оценены на уровне грамматичных филлеров (*Welch two-sample t-test*: мн.ч.: t = 0.737, df = 499.5, p-value = 0.461; ед.ч.: t = 0.34, df = 456.4, p-value = 0.734). Порядок VS значимо понижает приемлемость согласования по единственному числу для количественных конструкций (estimate = 0.137, SE = 0.076, df = 248.06, t-ratio = 1.793, p-value <<0.001), но повышает ее для сочиненных составляющих (estimate = -0.127, SE = 0.076, df = 248.5, t-ratio = -1.6, p-value <<0.001) (Рис. 1).

Рис. 1 График взаимодействия факторов

При этом стоит заметить, что, несмотря на значимое повышение оценок приемлемости для согласования по единственному числу с сочиненным подлежащим, согласование по множественному числу остается значимо более приемлемо, чем по единственному, при любом порядке слов (SV: estimate = 1.093, p < 0.001; VS: estimate = 0.685, p < 0.001)

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что линейные факторы играют значимую роль в выборе согласовательной стратегии в русском языке. При этом характер их влияния различается в зависимости от типа конструкции.

Для количественных групп обратный порядок слов (VS) создает наиболее благоприятные условия для согласования по единственному числу, что согласуется с данными корпусных исследований [Кувшинская 2019] и может объясняться особенностями информационной структуры: в фокусной позиции усиливается зависимость от формальных морфологических характеристик вершины [Паско 2025]. Для сочиненных групп, напротив, даже при обратном порядке слов множественное число остается предпочтительной стратегией, что свидетельствует о большей устойчивости семантического согласования в этой конструкции.

Различия в паттернах реагирования на изменения линейной структуры могут быть объяснены в рамках модели взвешенных ограничений [Felser & Jessen 2021], согласно которой разные факторы активируются на разных этапах обработки. В случае количественных групп морфологический признак единственного числа вершины конкурирует с семантической множественностью референта, и порядок слов определяет, какой из этих факторов получает преимущество. В случае сочиненных групп множественное число является результатом применения *правил разрешения* и обладает более высоким «весом» независимо от линейной конфигурации. Для проверки этого предположения можно повторить данное исследование с использованием онлайн-методики чтения с саморегуляцией скорости (*self-paced reading*). Этот метод поможет зафиксировать разницу в обработке предложений с разным типом согласующейся вершины.

Литература

1. Анисимова in progress – Анисимова А. Г. Влияние линейной смежности на согласование с нестандартным контролером в русском языке (экспериментальное исследование): дипломная работа / Анисимова А.Г. — Москва, 2026.
2. Герасимова 2021 – Герасимова А. А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. – 2021.
3. Гращенков 2024 – Гращенков П. В. Вариативное согласование и структура сочиненной составляющей // Вопросы языкознания. – 2024. – № 3. – С. 7–30.
4. Кувшинская 2019 – Кувшинская Ю. М. Предикативное согласование со словами "ряд", "половина", "часть", "множество" в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. №2.
5. Паско 2025 – Паско Л.И. Большинство предложений оцениваются высоко: An experimental study of agreement with quantity nouns in Russian // Формальные модели в лингвистике : Международная конференция, Санкт-Петербург, 2–3 декабря 2025 г. – Санкт-Петербург, 2025.
6. Corbett 1983 — Corbett, G. G. Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic / G. G. Corbett. — London: Croom Helm, 1983. — 260 p.c
7. Di Nocera et al. 2018 – Di Nocera, F., Ricciardi, O. and Juola, J.F. ‘Rapid serial visual presentation: degradation of inferential reading comprehension as a function of speed’, *Int. J. Human Factors and Ergonomics*. – 2018. – Vol. 5, No. 4, – pp.293–303.
8. Felser, Jessen 2021 — Felser, C. Correlative Coordination and Variable Subject–Verb Agreement in German / C. Felser, A. Jessen // *Languages*. — 2021. — Vol. 6(67). — P. 1–20.

Ахапкина Яна Эмильевна

**доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»**

Предлог *поперек* и измерение «по ширине»

Традиционно исторические и толковые словари объясняют значение русского предлога *поперек* геометрически, отталкиваясь от понятия ширины измеряемого объекта. Однако употребление этого предлога связано не только с объектами, для измерения которых очевидна ширина. В одних случаях ширина пренебрежимо мала, как у волоса или тонкой струны, в других измерения объекта включают длину, глубину и высоту (как у ниши, иногда шкафа), но не ширину, в третьих ширина не важна наблюдателю, в четвертых ширина сопоставима с длиной и в этом смысле теряет значимость (у круглых и квадратных объектов), поскольку исчезает противопоставление длины и ширины. Вместо идеи ширины существенными оказываются нарушение целостности объекта (разрез поперек яблока может проходить и по оси плодоножки, а не только пересекая ее), пересечение площади (радуга поперек неба, лунная дорожка поперек моря), движение по поверхности (таракан бежит поперек пола), нахождение в границах измеримого пространства, а не за его пределами (поперек сада), характер измеряемого объекта, например, проемы (лежат поперек футбольных ворот, калитки), наличие разлиновки поверхности (строк на листе, половиц на полу, полос на арбузе). *Поперек* не функционирует в ряде случаев как антоним *вдоль*, а иногда выступает аналогом *вдоль* и относится к тому же измерению-референту, как в случаях с шарообразными предметами (разрез вдоль/поперек тыквы, арбуза, черешни, яблока), с линовкой (виза поперек текста, то есть вдоль длинной стороны листа бумаги, надпись поперек забора) и проемами (порталами: вратарь растянулся вдоль/поперек ворот -- в обоих случаях по направлению от штанги к штанге). Толкование предлога *поперек* и описание практики его употребления предполагает, таким образом, учет дополнительных факторов, а не только измерение объекта по ширине.

Е.Э. Бабаева

**Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова**

Случай *смотреть* *увальнем*: семантика конструкции в диахроническом аспекте

В докладе рассматривается употребление конструкции *смотреть* <*глядеть*> + ТВОР существительного, обозначающего живое существо, на фоне других конструкций с творительным сравнения. В целом конструкции с творительным сравнения не характерны для древнерусских памятников, хотя они встречаются в «Слове о полку Игореве», а также в текстах, отражающих или фиксирующих фольклорную традицию. Предикатами в этом случае, а также в поэтических текстах XVIII в. являлись глаголы движения (*волком скакать, летать орлом*) или глаголы, выражающие крики животных и пенье птиц (*кричать кукушкой, реветь медведем*). Распространение конструкций с ТВОР сравнения происходит в связи с литературными процессами, происходившими на рубеже XVIII и XIX вв. Конструкция с предикатами *смотреть* <*глядеть*> получает большое распространение, начиная с 1830-х гг. Вместе с тем, она может пониматься двояко: *смотреть барином* может интерпретироваться как ‘смотреть так, как смотрит барин’ и ‘выглядеть так, как выглядит барин’. В докладе рассматриваются процессы становления и разрешения данной двузначности.

Ф. В. Байков

МГУ им. М. В. Ломоносова

**О (не)допустимости лицензирования отрицательных местоимений
предикативами на *не*- вроде *негде*¹:
еще раз к вопросу о синтаксисе конструкции НЕГДЕ СПАТЬ**

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. В соответствии со многими синтаксическими подходами к анализу отрицательных предикативов на *не*- вроде *негде*, такие единицы содержат синтаксическое отрицание, которое выражается либо бытийным отрицанием *нет*, либо сентенциальным отрицанием *не*. Например, Е. В. Падучева [Падучева 2017б] подчеркивает (вслед за Ю. Д. Апресяном и Л. Л. Йомдиным [Апресян, Йомдин 1989]), что эти единицы следует рассматривать не как слова, а как сочетания слов (агломераты): отрицания *не* и вопросительного местоимения или наречия.

В статье А. В. Циммерлинга [Zimmerling 2024] предлагается анализировать такие отрицательные предикативы как результат передвижения вопросительного местоимения, порождаемого внутри инфинитивной клаузы, к отрицанию, расположенному за ее пределами. Отрицательный предикатив, таким образом, соотносится с одним из зависимых предиката инфинитивной клаузы – с тем зависимым, в позиции которого вопросительное местоимение было впервые введено в деривацию (base-generated) и находилось до передвижения.

(1) \emptyset_i не°кого_{PRED.NEG-W} [PRO_i винить_{INF} в кризисе ~~кого~~_{ACC}]. [Zimmerling 2024: ex. (29)]

Как *нет*, так и *не*, вообще говоря, могут выступать в качестве лицензоров отрицательных *ни*-местоимений [Brown 1999, Падучева 2017а]:

(2) а. У нас нет никаких вопросов.

б. Никто не пришел.

Данные Национального корпуса русского языка и материалов русскоязычного интернета свидетельствуют о допустимости лицензирования *ни*-местоимений предикативами на *не*- для некоторых носителей русского языка.

(3) Неоткуда ничем раздобыться, некуда ничего нести... все вздор, все обольщенье и прах! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]

(4) Похвастаться было нечем ни одному, ни другому. [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]

(5) Как всегда, все работают, никому некогда зайти, так все и прекращается... [https://render.ru/xen/threads/positivnoe-obschenie-davajte-znakomitsja.117379/page-5]

Однако специальных исследований, посвященных лицензированию *ни*-местоимений предикативами на *не*-, ранее не было. В докладе будет рассмотрен вопрос о том, возможно ли употребление *ни*-местоимений в предложениях с предикативами на *не*-. Мы представим экспериментальное синтаксическое исследование, направленное на оценку приемлемости соответствующих предложений в зависимости от взаимного линейного расположения *ни*-местоимения и предикатива на *не*- и отношений структурного приоритета между аргументами инфинитивного предиката вложенной клаузы, соответствующими *ни*-местоимению и предикативу на *не*-.

ДИЗАЙН ЭКСПЕРИМЕНТА. В эксперименте были две независимые переменные: во-первых, отношения линейного предшествования между *ни*-местоимением и предикативом на *не*- (отрицательное местоимение предшествует предикативу vs предикатив предшествует отрицательному местоимению); во-вторых, отношения структурного синтаксического приоритета между аргументами инфинитивного предиката, соответствующими *ни*-местоимению и предикативу на *не*- (зависимое инфинитивного предиката, соответствующее предикативу, с-командует отрицательным местоимением vs отрицательное местоимение с-командует зависимым инфинитивного предиката, соответствующим предикативу).

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Чтобы определить, каковы отношения структурного приоритета (с-командования) между аргументами, выраженными *ни*-местоимениями и предикативами на *не*-, мы проверяли, может ли ИГ в роли одного из них связывать реципрокальный анафор *друг друга*, занимающий вторую из исследуемых структурных позиций.

Например, для блока стимульных предложений, представленного ниже в примерах (7-10), доказательством того, что прямое дополнение проявляет признаки структурного приоритета по отношению к предложной группе, вводимой предлогом *с*, является допустимость связывания реципрока в примере (6):

(6) Он сравнивал их₁ друг с другом₁.

Пример блока стимульных предложений представлен ниже:

(7) [*ни*- предшествует *не*- & *ни*- с-командует *не*-]

Поскольку на новую вакансию откликнулся только один кандидат, кадровику никого не с кем сравнивать.

(8) [*не*- предшествует *ни*- & *ни*- с-командует *не*-]

Поскольку на новую вакансию откликнулся только один кандидат, кадровику не с кем никого сравнивать.

(9) [*ни*- предшествует *не*- & *не*- с-командует *ни*-]

Поскольку на новую вакансию откликнулся только один кандидат, кадровику ни с кем некого сравнивать.

(10) [*не*- предшествует *ни*- & *не*- с-командует *ни*-]

Поскольку на новую вакансию откликнулся только один кандидат, кадровику некого ни с кем сравнивать.

Все филлерные предложения (как грамматичные, так и неграмматичные) были подготовлены по той же схеме, что и стимульные, но в них не было отрицательных местоимений. В неграмматичных филлерах было нарушено управление (выделено жирным в примерах (12-13)).

(11) [грамматичный филлер]

Поскольку школьники быстро справились с контрольной, им теперь нечего делать.

(12) [неграмматичный филлер: добавлен лишний предлог]

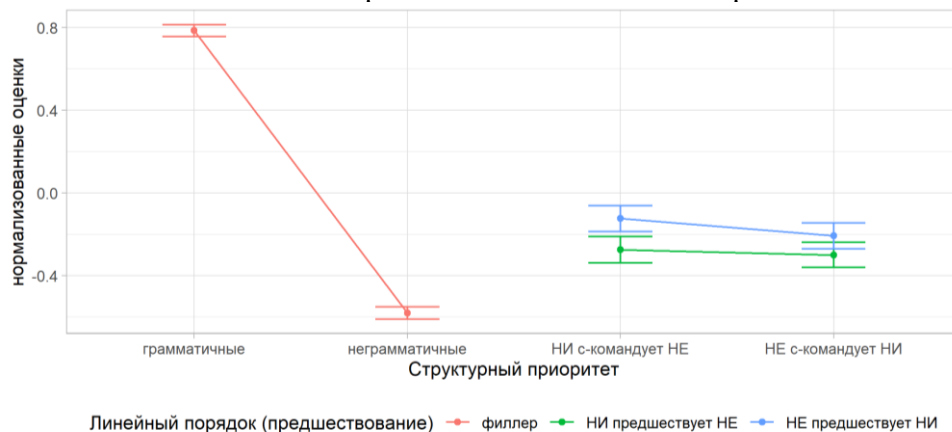
**Поскольку Витя необдуманно поссорился со всеми друзьями, ему теперь не у кого помочь.*

(13) [неграмматичный филлер: выбран неправильный предлог]

**Ваня проучился все одиннадцать лет в одной школе, поэтому ему не за что ее сравнивать.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА показывают, что все стимульные предложения получают довольно низкие оценки, хотя и статистически значимо отличаются от неграмматичных филлеров. Кроме того, предложения с *ни*-местоимениями в постпозиции к предикативу на *не*- оцениваются несколько выше, хоть это различие в приемлемости и не достигает порога статистической значимости.

График взаимодействия для лицензирования *ни*-местоимений предикативами на *не*-

Видно, что все исследованные в эксперименте условия получили довольно близкие оценки, причем предложения, где отрицательный предикатив на *не-* предшествует лицензируемому им отрицательному местоимению, оцениваются выше, чем те, где *ни-* местоимение находится в препозиции к предикативу.

Ни один из рассматриваемых в таблице 2 контрастов не достигает стандартного уровня статистической значимости на уровне 0,05 (во всех случаях $p\text{-value} > 0,24 \gg 0,05$). Таким образом, результаты проведенного нами эксперимента показывают, что отношения линейного предшествования и структурного приоритета (*с-*командования) не влияют на возможность лицензирования отрицательных *ни-*местоимений отрицательными предикативами на *не-* вроде *некому*.

Такие итоги позволяют говорить о маргинальности лицензирования отрицательных местоимений предикативами на *не-*, из-за чего, возможно, подобные структуры и не были упомянуты в существующих работах по синтаксису отрицательных местоимений или предложений с предикативами на *не-*.

Литература

Апресян, Иомдин 1989 — Апресян, Ю. Д., Иомдин, Л. Л. Конструкция типа НЕГДЕ СПАТЬ: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика, 29. — 1989. — С. 34–92.

Падучева 2017а — Падучева, Е. В. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.

Падучева 2017б — Падучева, Е. В. Отрицательные местоимения-предикативы (на *не-*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017.

Brown 1999 — Brown, S. The syntax of negation in Russian: A Minimalist approach. — Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.

Zimmerling 2024 — Zimmerling, A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian neg-words revisited // Russian Linguistics. — 2024. — Vol. 48. — No. 6.

Борискина Ольга Олеговна, Картавец Владимир Николаевич
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия
kartavtsev-study-2012@yandex.ru

К вопросу выделения реципрокально-социативных глаголов: «место встречи» категорий взаимности и совместности

Грамматическое учение в значительной степени складывается из учения о грамматических категориях – «столпах», на которых покоятся грамматические системы разного типа. В широком понимании этого термина грамматическая категория представляет собой единство некоего универсального, абстрактного комплекса смыслов и языковых средств разного уровня, отвечающих за передачу данных смыслов, – такая трактовка применяется в рамках функционального направления в грамматике и разделяется нами.

В свете вышесказанного категории взаимности и совместности представляют собой соответствующие семантические признаки и разноуровневые средства их выражения, включая специальные местоименные и наречные маркеры (например, *друг друга, вместе*), постфикс *-ся*, префиксы, а также полнозначительные лексемы, соотносимые с предикатом пропозиции. С обеими категориями связаны соответствующие синтаксические структуры, подчиняющиеся общим трансформационным правилам.

С семантической точки зрения совместность отличается от взаимности направленностью вектора действия, общего для всех участников ситуации, на внешний объект или ситуацию, часто выраженные прямым дополнением. В то же самое время в основе семантики взаимности лежат взаимно направленные векторы действий партиципантов.

Наиболее примечательным в описанном представлении данного участка грамматики является тот факт, что на уровне средств выражения взаимность и совместность как бы накладываются друг на друга в русском языке, так как существует группа глаголов, формально и содержательно демонстрирующих признаки и глаголов взаимного действия, и глаголов действия совместного. Это такие глаголы, как *взаимодействовать*, *(с)кооперироваться*, *сотрудничать*, а также глагол *обсуждать*.

Внимательное рассмотрение характеристик данных единиц приводит нас к выводу о закономерности их выделения в отдельный класс взаимно-совместных (реципрокально-социативных) глаголов.

Борисова Елена Георгиевна

Грамматические средства маркировки ориентации слушающего (местоимения **один** и **этот**)

Изучение способов референции (Падучева 1985) позволили выявить несколько функций имен существительных в предложении в зависимости от роли в формировании общего смысла высказывания. Это идентификация (отождествление с имеющимся объектом или ситуацией в представлении слушающего), характеристика (принадлежность к классу) и оценка, (которую обычно совмещают с характеристикой). И средства маркировки референции обычно помогают адресату понять, какая функция имеется в виду. Это свойство имеется и в артиклевых языках, но там маркировка некоторых функций оказывается обязательной (поскольку закреплена за граммемами категории определенности). В русском необходимость маркировки не узализирована, а возникает в зависимости от условия понимания сообщения слушающим.

В русском языке идентификация не всегда требует маркировки и часто осуществляется имплицитно или через переход к личным местоимениям (*Притель/ он/ тот подошел*).

Однако номинация имеет еще ряд функций

– характеризующую. Она является основной, когда вводится новый объект: *К ней подошел модно одетый человек*.

– оценочную. Она часто встречается при использовании имени в предикативной функции: *Твой зять – лодырь. Какой он умница!*. Однако нередко ее можно использовать и в других синтаксических позициях: *заставь дурака Богу молиться... Не хочу разговаривать с тупым двоечником*.

Средствами уточнения функций могут быть указательные местоимения *этот, такой, один*, которые используются, когда функции характеристики или оценки адресат затрудняется отличить от функций идентификации.

А) Местоимение (не числительное!) **один** ставится говорящим тогда, когда используется номинация, не позволяющая сделать идентификацию объекта. Так можно сказать: *Ей стало плохо в поезде, и проводник помог*, но не... *и учительница ей помогла* (в последнем случае добавляют **один**, чтобы показать, что идентификация здесь не происходит, а имеет место характеристика). Местоимение **один** связывают с неопределенным артиклем, однако оно не всегда столь же

обязательно и достаточно для идентификации (проводников может быть несколько).

Б) Местоимение **этот** нередко помогает идентификации при повторении номинации. Однако он может (и должен) ставиться и тогда, когда в высказывании не хватает условий для идентификации, поскольку имя используется для характеристики и/или оценки: *Заткните рот (этому) негодяю.*

Герасимова Анастасия Алексеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

Индивидуальная вариативность в русских биноминативных предложениях

В докладе рассматривается проблема учета индивидуальных грамматических предпочтений носителей языка при моделировании синтаксической вариативности. Стандартный подход в экспериментальном синтаксисе предполагает усреднение ответов респондентов и интерпретацию общей тенденции. Индивидуальные различия при этом считаются «шумом», который нивелируется увеличением выборки. Однако, как показывают недавние исследования [Герасимова и др. 2024; Лютикова, Герасимова 2023], подобное усреднение может маскировать реальное распределение грамматических предпочтений: общая тенденция нередко не соответствует идиолекту ни одного из участников эксперимента.

Материалом для исследования служат русские биноминативные предложения (типа *Заметки в газете были/была полная неразбериха*), которые демонстрируют вариативность предикативного согласования: связка может согласовываться как с первой именной группой (ИГ, перед связкой), так и со второй (после связки) [Падучева, Успенский 1997; Geist 2008]. В работе проверяется, зависят ли предпочтения носителей от двух факторов: (i) коммуникативной структуры (положение рематического акцента на первой или второй ИГ) и (ii) просодического членения (пауза до или после связки) [Hartmann 2019; Герасимова 2023]. Эксперимент (100 носителей, по 50 на каждую позицию паузы, аудиоопределение стимулов) проводился в рамках сложного многофакторного дизайна.

Анализ смешанными линейными моделями регрессии показал значимое влияние экспериментальных факторов, однако низкие коэффициенты детерминации ($R^2_{\text{marginal}} = 0.07\text{--}0.20$) свидетельствовали о том, что основная доля варьирования связана с индивидуальными различиями респондентов, а не с манипулируемыми переменными [Vasishth, Gelman 2021; Gries 2021]. В связи с этим был проведен анализ грамматических профилей — вариантов настройки грамматических параметров, свойственных отдельным группам носителей.

Результаты анализа выявили следующие закономерности. Во-первых, для каждого экспериментального условия выделяются группы респондентов, которые последовательно предпочитают только один из двух контролеров согласования; при этом никто из участников не демонстрирует предпочтение только одного варианта во всех условиях. Во-вторых, факторы коммуникативной структуры и синтаксической структуры (тип биноминативного предложения) не обнаруживают имплицитивной связи: носитель может предпочитать определенную стратегию согласования независимо от расположения акцента и наоборот. В-третьих, неразличение двух стратегий согласования в большинстве случаев свидетельствует не о грамматическом запрете, а о равной доступности обеих конструкций.

Таким образом, эмпирическая картина вариативности в русских биноминативных предложениях оказывается значительно сложнее, чем следует из усредненных тенденций. Анализ грамматических профилей позволяет не только выявить допустимый диапазон индивидуальных настроек грамматических параметров, но и сформулировать требования к теоретической модели: она должна объяснять доступность обеих стратегий согласования

и не постулировать жесткой зависимости между коммуникативной и синтаксической структурой там, где носители демонстрируют их независимость.

Вместе с тем метод выделения грамматических профилей имеет ряд ограничений. Во-первых, остается открытым вопрос о статистической значимости различий для отдельного респондента. Во-вторых, при усложнении экспериментального дизайна количество потенциальных грамматических профилей увеличивается неконтролируемым и непредсказуемым образом: число возможных комбинаций ранжирований экспериментальных условий растет экспоненциально, и далеко не все из них могут быть содержательно интерпретированы. Это означает, что для применения анализа грамматических профилей необходимы четкие априорные критерии и ожидания относительно того, какие именно паттерны предпочтений могут встречаться у носителей языка; без такой теоретической рамки разведывательный анализ рискует утонуть в многообразии единичных паттернов. В-третьих, представленный анализ носит разведывательный характер и требует последующей проверки на независимой выборке. Несмотря на эти ограничения, анализ грамматических профилей на сегодняшний день остается единственным инструментом, позволяющим перейти от усредненных тенденций к учету идиолектной вариативности при построении синтаксических теорий.

Литература

Герасимова А.А. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // *Rhema. Рема*. 2022. № 2. С. 32–66.

Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И. Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 2. Количественная оценка // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2024. № 5. С. 111–128.

Лютикова Е.А., Герасимова А.А. Экспериментальное исследование и моделирование синтаксического варьирования // *Научная конференция МГУ «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»*. Москва, 2023.

Падучева Е.В., Успенский В.А. Биноминативное предложение: проблема согласования связки // *Облик слова: сб. ст. памяти Д.Н. Шмелева*. М.: Индрик, 1997. С. 170–182.

Geist L. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English // *Existence: Semantics and Syntax*. Dordrecht: Springer, 2008. P. 79–105.

Gries S.T. *Statistics for linguistics with R*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021.

Hartmann J.M. Focus and prosody in nominal copular clauses // *Information structure and semantic processing*. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2019. P. 71–104.

Hartmann J.M., Heycock C. (Morpho)syntactic variation in agreement: Specificational copular clauses across Germanic // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. Art. 2994.

Vasishth S., Gelman A. How to embrace variation and accept uncertainty in linguistic and psycholinguistic data analysis // *Linguistics*. 2021. Vol. 59. № 5. P. 1311–1342.

Глазунова Ольга Игоревна

СПбГУ

К вопросу об адъективации причастий в русском языке

В настоящее время в лингвистике не сложилось единого представления о том, какие факторы оказывают влияние на переход причастий в имена прилагательные и какие грамматические показатели определяют этот процесс. В академической «Русской грамматике» (1980) лексемы завядший, увядший маркированы «только прилагательные». В

«Большом грамматическом словаре» (под ред. А.Н.Тихонова), они отнесены к действительным причастиям прошедшего времени.

1. В древнерусском языке причастия играли значительную роль не только в письменной, но и в устной речи. С течением времени действительные причастия с древнерусскими суффиксами **-оуч/-юч** и **-ач/-яч**, **-л** (колючий, бродячий, умелый) перешли в разряд прилагательных; причастия со старославянскими суффиксами **-жш/-ъжш**, **-лш/-ълш** остались причастиями. Суффиксы **-н**, **-т** и **-м** по-прежнему использовались при образовании страдательных причастий настоящего и прошедшего времени.

2. Начиная с середины прошлого века частеречную принадлежность причастных форм начали определять на основе контекстуальных признаков, т.е. в составе словосочетаний и предложений. Именно это способствовало тому, что в словарях и академических справочниках одни и те же лексемы стали относить к разным частям речи.

3. Закреплению за целым рядом причастий статуса прилагательных способствовало активное их использование в переносном значении, традиционно выражающем адъективные признаки (Ср.: блестящая идея, лающий кашель). В 1960 году после выхода академической «Грамматики русского языка» представление о том, что одна и та же лексема может быть и прилагательным, и причастием, прочно закрепилось в лингвистике.

4. Одним из аргументов в пользу перехода причастия в прилагательное стало наличие у лексемы степеней сравнения: «Образованные от причастий прилагательные с суффиксами **-уш/-юш**, **-ащ/-ящ** могут образовывать степени сравнения, напр.: еще более отталкивающий вид, самое ошеломляющее впечатление, одна из самых блестящих битв [Грамматика русского языка, т. 1, 1960, с. 306.]². С данной точкой зрения трудно согласиться. Например, относительные прилагательные степеней сравнения тоже не имеют, но в переносном значении сочетаются со словами более, наиболее, самый и т.д.: самое золотое время, более бархатный голос. При этом к качественным прилагательным их никто не относит.

5. «Русская грамматика» (1980) не внесла ясности в эту проблему. Прописанное в грамматике значение отглагольных прилагательных с суффиксами **-н/-нн** «подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия» (пуганный, балованный, дрессированный) [Русская грамматика, т. 1, с. 295] ничем не отличается от значения страдательных причастий прошедшего времени: «подвергшийся действию и содержащий результат этого действия» (сгущенное молоко, утраченные иллюзии, изолированная комната) [Там же, с. 663].

6. При выявлении частеречной принадлежности определительной лексемы более объективную картину можно получить, поставив ей в соответствие придаточную структуру. Значение причастия, ориентированного на выражение действия, в определительном придаточном будет передаваться через мотивирующий его глагол: *горящий* — тот, который горит; *растрепанный* — тот, который растрепали. Прилагательное будет соотноситься с синтаксической конструкцией со значением обладания: *настоящий* — тот, который имеет отношение к данному времени, *священный* — тот, который обладает святостью; *смиранный* — тот, который отличается смирением. Если причастие *разбитый* соотносится с придаточной структурой тот, который разбили, то *треснутый* требует другой расшифровки: это не тот, по которому треснули, а тот, который имеет трещины.

Голубева Виктория Константиновна
Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
victdove@gmail.com

² В «Большом грамматическом словаре», который вышел под ред. А.Н.Тихонова, *отталкивающий*, *ошеломляющий*, *блестящий* маркированы как действительные причастия настоящего времени.

Адвербиалы со значением состояния при глаголах движения и положения в пространстве

Известно, что для кодирования одного денотативного признака может привлекаться сразу несколько средств, имеющих одинаковую лексическую (корневую) основу, но разное грамматическое оформление. Дистрибуция таких разнокатегориальных единиц требует пристального изучения, поскольку позволяет уточнить функционально-грамматический и лексический потенциал каждой из взаимодействующих категорий и строже обозначить ее место в системе конкурирующих средств. Наши исследования посвящены адвербиалам, под которыми мы понимаем наречия, другие части речи, наречные выражения, функционирующие в роли обстоятельств (ср. [Greenbaum 1969; Heny 1983; Филипенко 2003] и др.). Объектом данной работы являются качественные наречия и предложные группы в наречной функции: *растерянно – в растерянности, тревожно – с тревогой* и т. п.

В сочетании с одним и тем же предикатом некоторые из них вступают в отношения полной синонимии, другие – демонстрируют семантические расхождения; кроме того, одно из средств может блокироваться вовсе. При рассмотрении расхождений членов пар было замечено, что обычно наречия теснее, чем предложно-падежные формы, связаны с глаголом, в большей степени ассимилируются с ним в смысловом отношении. Для проверки силы этой тенденции можно анализировать адвербиалы в контексте предикатов разной семантики. В докладе предпринимается попытка рассмотреть наречия и предложные группы со значением внутреннего (эмоционального, ментального) состояния при глаголах движения и статического положения.

Русские глаголы движения – детально изученная во многих отношениях группа. В аспекте их сочетаемости с адвербиалами лингвистов привлекали прежде всего маркеры аспектуальности, обозначения исходной и конечной точки движения, количественной характеристики действия. Однако мало обсуждался вопрос о возможности модификации таких предикатов рядом качественных адвербиалов (образа действия), в частности стательными лексемами. Мы попытаемся выяснить дистрибутивные особенности наречий и предложных групп данной семантики в сочетании с динамическими и статическими глаголами.

1. Адвербиалы с глаголами в прямом пространственном и абстрактном (связочном) значении. Глаголы исследуемых групп в разной степени сохраняют первичную семантику физического перемещения / локализации субъекта. Так, Л. Д. Чеснокова различает свойства глаголов в высказываниях:

(1а) *Мать вышла из-за печки веселая.*

(1б) *Я вышел живым из мировой войны.*

(2а) *А потом, когда Синцов еще раз оглянулся, старик уже лежал на дне окопа мертвый.*

(2б) *Спрашивать уже не с кого: Баранов лежал мертвый.*

В контекстах (1а) и (2а) глаголы движения и положения являются автосемантическими, а в (1б) и (2б) – связочными, присоединяющими главный в смысловом отношении именной компонент. Соответственно, приглагольные адъективы в случаях первого типа квалифицируются как дуплексивы, а второго типа – как именная часть составного сказуемого [Чеснокова 1991: 117–118].

Хотя указанные явления четко разграничить иногда затруднительно, данное противопоставление релевантно в нашей работе. Для предложных групп *в + N₆* предикативная позиция обычна и типична – они могут использоваться как при отвлеченных связках (*Наташа в тревоге; Наташа была в тревоге*), так и при вещественных (знаменательных), возникших на основе динамических и статических глаголов (*Она ходила в тревоге, Наташа сидела в тревоге*). Качественные наречия состояния на *-о* при связках

разной природы не употребляются: *Наташа была тревожно; *Наташа ходила тревожно (в значении 'постоянно испытывала тревогу на протяжении определенного времени, а не только в моменты физического перемещения').

При несвязочных глаголах движения и положения возможно использование обоих типов средств. Наречие при них выступает примыкающим словом (а не частью сказуемого), т. е. в типичной для себя роли. Тем не менее и при таких предикатах употребление наречий со значением эмоциональных и ментальных состояний ограничено лексико-семантическими факторами.

2. Лексические ограничения сочетаемости наречий с глаголами движения и положения. В речи иногда встречаются конструкции типа *Он тревожно лежал на берегу*. В работе [Антонова 2011: 245, 247] как допустимые приводятся корпусные примеры *Но посрамленный Робиль не сдавался. <...> И он сердито ушел с площади <...>*. [А. М. Волков. Семь подземных королей (1964)]; *И он представил, как любимая женщина печально будет ездить на черном автомобиле*. [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)]. Тем не менее некоторые структуры такого рода вызывают вопросы с точки зрения их каноничности и стилистической нейтральности в литературном языке.

Как упоминалось, глагольно-адвербиальные сочетания требуют достаточно тесной семантической корреляции главного и зависимого слов, и от этого фактора во многом зависит допустимость конструкции. В принципе стальные наречия способны обозначать а) состояние, в котором находится субъект во время действия, и б) внешние проявления этого состояния. Значит, гипотетически для наречий состояния могут открываться позиции при разных динамических и статических глаголах, поскольку пребывание в определенном состоянии нормально при осуществлении широкого круга действий. Обращение к НКРЯ позволяет проверить, насколько свободно наречия сочетаются с разными типами глаголов движения и положения в пространстве.

Нами зафиксирована комбинаторика наречий эмоционального состояния с довольно разными типами глаголов движения (это оказывается заметным потому, что корпусная разметка соотносит с семантическим тегом 'движение' далеко не только глаголы замкнутой лексико-грамматической группы *идти, ходить, лететь, летать* и т. д., но и другие лексемы со значением движения). Было выявлено, что особый приоритет получают локализованные («крупноплановые») движения отдельных частей тела, жесты и мимические реакции, тесно связанные с эмоциональным состоянием субъекта и выступающие его внешним проявлением: *грустно покачал головой, развел руками; тревожно переводил взгляд, вскинула глаза, бегал пальцами по пуговицам; радостно замахала хвостом, запустил когти в матрац* и т. д. К этой же группе относятся и движения, вовлекающие все тело субъекта: *радостно встрепенулся, подался ко мне, запрыгали; смятенно перелетал с ветки на ветку; взволнованно затряс, метнулся* и т. д. Поскольку в подобных случаях движение обозначает манифестацию (симптом) эмоционального состояния, это обеспечивает особенно тесную семантическую связь между наречием и глаголом и, соответственно, нормативность конструкции.

По данным корпуса, стальные лексемы употребляются и с такими предикатами, которые обозначают движение и положение, не являющееся очевидным проявлением эмоции: *удрученно потянулась к метро, задумчиво бродил, печально взбираемся на гору, грустно стою, лежал* и т. д., ср., например, (3).

(3) *Грустно стою я один в коридоре, перед уроком Тщетно пытаюсь понять, больше ли девять пяти*. [Сергей Смирнов. Пустили козленка в огород // «Знание – сила», 2006]

Здесь состояние не столько описывает характер совершения действия, сколько выступает по отношению к нему как самостоятельный эмоциональный фон. Приемлемость таких конструкций зависит от типа наречного состояния и от характера движения / положения, обозначаемого глаголом. Так, состояния тревоги, раздражения или волнения свободно сочетаются с глаголом *ходить* (*тревожно ходил по комнате, раздраженно ходил взад-вперед, взволнованно (за)ходил вокруг стола*), поскольку

соответствующие перемещения легко осмысливаются как поведение, служащее для субъекта способом преодоления внутреннего напряжения или просто свидетельствующее о нем. Наоборот, при глаголе *идти*, обозначающем направленное движение, сочетания типа *?тревожно / раздраженно / взволнованно шел (идет)* оказываются менее мотивированными и практически не представлены в корпусе.

Конструкции типа *грустно стою, грустно лежал* также едва ли можно считать прототипическими. В подобных случаях наречие не столько характеризует способ осуществления действия, сколько указывает на эмоциональное состояние субъекта, на фоне которого протекает соответствующая ситуация. Иными словами, оно функционально сближается с предикативным или атрибутивным обозначением состояния (ср.: *грустно лежал* ≈ ‘лежал, будучи грустным’; *грустно стою* ≈ ‘стою, будучи грустным’). Иными словами, возникают синтаксически смещенные конструкции.

Предварительный анализ показывает, что подобные употребления неодинаково освоены разными лексемами.

Наконец, поскольку нас интересуют не только наречия, но и другие типы адвербиалов, заметим, что вместо наречия, к которому предъявляются повышенные требования в аспекте корреляции с глаголом, могут использоваться предложные группы, а также деепричастия, прилагательные и синтаксические конструкции, например, вместо смещенного *взволнованно вез подарок – с особым волнением / волнуясь / в состоянии (особого) волнения вез подарок*; вместо некорректного **исступленно / удивленно сидел на собрании – в испуге / в удивлении сидел на собрании*; вместо *грустно стою я один в коридоре – грустный, стою я один в коридоре*. Эти средства сравнительно независимы от предиката, а потому способны заполнять позиции, в которых употребление качественного наречия оказывается затрудненным или стилистически маркированным.

Литература

Антонова П. С. Синтаксис наречий состояния и вторичных предикатов в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7 (3). С. 245–251.

Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с.

Чеснокова Л. Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: учеб. пособие по спецкурсу. Ростов н/Д: ТГПИ, 1991. 214 с.

Greenbaum S. Studies in English adverbial usage. London: University of Miami Press, 1969. 262 p.

Henry F. W. Sentence and Predicate Modifiers in English // Syntax and Semantics / ed. by J. P. Kimball. Vol. 2. New York: Seminar Press, 1973. P. 217–245.

Гращенко Павел Валерьевич

МГУ им. М. В. Ломоносова

Русская именная группа: некоторые аспекты диахронических изменений

Исследование посвящено структуре именной группы в древнерусском языке сравнительно с ее современным состоянием. Будут рассмотрены две гипотезы развития структуры именной группы: 1) гипотеза о диахроническом усложнении структуры со временем; 2) гипотеза о переходном этапе между разными структурами.

Исследование структуры русской именной группы будет основываться на данных, касающихся порядка расположения атрибутов прилагательных относительно вершины;

различий между полными и краткими формами прилагательных; организации притяжательных конструкций; структуры количественных групп. Эмпирическим материалом служат данные корпуса Torot, содержащего информацию о синтаксической структуре предложений и составленного из фрагментов древнерусских текстов.

Как мы постараемся показать, древнерусский период был временем формирования современной структуры именной группы, при этом уже тогда существовали определённые закономерности в расположении её компонентов.

Давидюк Татьяна Игоревна

Институт языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова

davidyuk@iling-ran.ru

Семантика сочинённых подлежащих и вариативность лично-числового согласования: экспериментальное исследование³

Доклад посвящён сочинительным конструкциям в русском языке, в которых конъюнкты различаются по лицу (например, *я и Вася*), и анализу лично-числового согласования с такими конструкциями. Выделяются три стратегии согласования. Первая — согласование по множественному числу с выбором лица в соответствии с иерархией $1 > 2 > 3$ (пример (1)); вслед за Г. Корбеттом [Corbett 1983] мы называем её согласованием по правилам разрешения. Вторая стратегия — согласование с ближайшим конъюнктом, при котором согласовательные признаки заимствуются только у ближайшего конъюкта (2). Третья стратегия — согласование по 3-му лицу множественного числа, зафиксированное в НКРЯ (3) и оцениваемое как приемлемое в ряде экспериментальных исследований [Гриценко 2024; Давидюк 2025; Прокопьева 2025].

(1) *Остаётся ты и я.* [Санников 2008: 160]

(2) *Остаются учителя старших классов и ты.* [Санников 2008: 161]

(3) *Секретный код знают только я и Сергей Петрович.* [НКРЯ. Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]

Распределение стратегий лично-числового согласования определяется рядом факторов, в том числе семантикой конъюнктов. Как отмечает В. З. Санников [2008: 161–162], если конъюнкты семантически разнородны и не образуют «естественного» множества, согласование по правилам разрешения затруднено. Так, в примере (4) сочетание абстрактного существительного и личного местоимения препятствует такой стратегии. В то же время экспериментальные данные показывают, что абстрактность одного из конъюнктов не полностью исключает её [Гриценко 2024].

(4) *Его погубит / *погубите любовь к выпивке и ты.* [Санников 2008: 161]

Настоящее исследование направлено на проверку влияния нереперентности одного из конъюнктов на выбор лично-числового согласования. Был проведён эксперимент с подлежащими, соединёнными союзом *ни ... ни*. Предпосылкой эксперимента стало наблюдение, что при двух референтных конъюнктах (*ни я, ни Вася*) согласование с ближайшим конъюнктом оценивается как неприемлемое [Давидюк 2024], тогда как

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова.

корпусные данные показывают, что при нереферентном втором конъюнкте оно встречается значительно чаще (5).

(5) *А писал я приятелю о том, что ни я, ни кто-либо из моих однокашников писателем, конечно, **не станет**, писатель — это нечто высшее.* [НКРЯ. Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)]

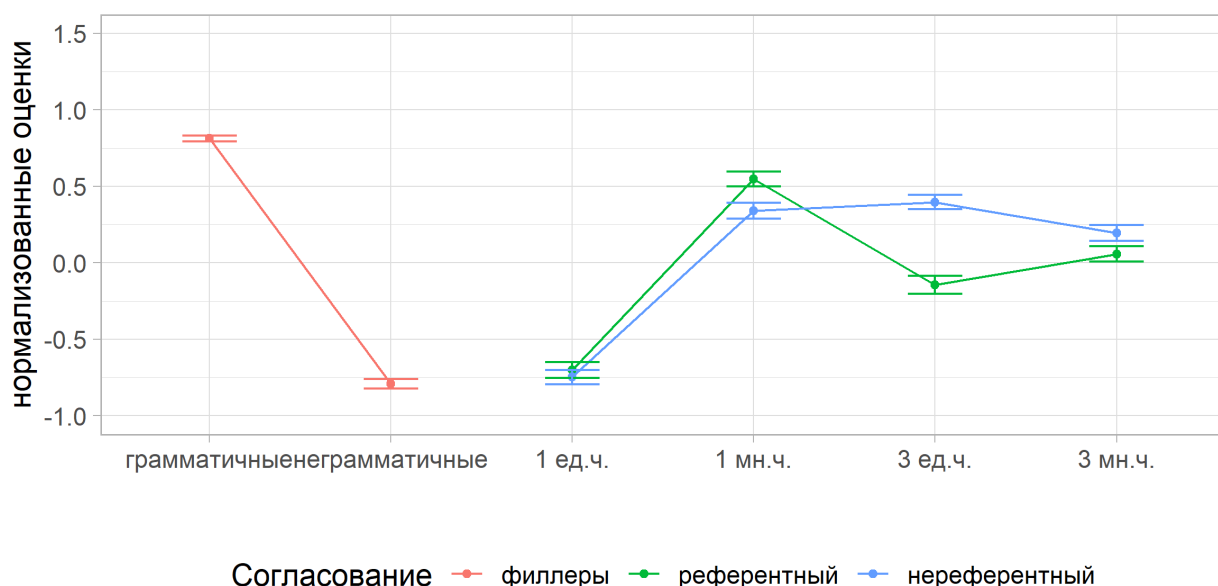
Эксперимент проводился по методике оценки приемлемости по шкале Ликерта 1–7 и имел дизайн 2×4. Первая независимая переменная — тип второго конъюнкта: референтная именная группа с вершиной-существительным (*сотрудник из соседнего отдела*) или нереферентная именная группа с местоимением (*кто-либо из соседнего отдела*). Вторая независимая переменная — тип согласования (1 л. ед. ч., 1 л. мн. ч., 3 л. ед. ч., 3 л. мн. ч.). Первым конъюнктом во всех случаях выступало местоимение *я*; порядок слов в стимульных предложениях был SV. Эксперимент включал восемь условий (по четыре лексикализации на каждое), а также грамматичные и неграмматичные филлеры. Примеры стимулов для всех условий показаны в таблице 1.

Таблица 1. Экспериментальные предложения: пример одной лексикализации

	Независимые переменные		Предложение
	Тип второго конъюнкта	Согласование	
1	Референтная ИГ	1 л. ед.ч.	Ни я, ни сотрудник из соседнего отдела не участвую в предстоящей конференции.
2	Референтная ИГ	1 л. мн.ч.	Ни я, ни сотрудник из соседнего отдела не участвуем в предстоящей конференции.
3	Референтная ИГ	3 л. ед.ч.	Ни я, ни сотрудник из соседнего отдела не участвует в предстоящей конференции.
4	Референтная ИГ	3 л. мн.ч.	Ни я, ни сотрудник из соседнего отдела не участвуют в предстоящей конференции.
5	Нереферентная ИГ	1 л. ед.ч.	Ни я, ни кто-либо из соседнего отдела не участвую в предстоящей конференции.
6	Нереферентная ИГ	1 л. мн.ч.	Ни я, ни кто-либо из соседнего отдела не участвуем в предстоящей конференции.
7	Нереферентная ИГ	3 л. ед.ч.	Ни я, ни кто-либо из соседнего отдела не участвует в предстоящей конференции.
8	Нереферентная ИГ	3 л. мн.ч.	Ни я, ни кто-либо из соседнего отдела не участвуют в предстоящей конференции.

Результаты эксперимента в виде графика взаимодействия представлены на рисунке 1. Анализ ответов 64 респондентов с использованием смешанных линейных моделей и теста Тьюки показал, что согласование с ближайшим конъюнктом оказывается более приемлемым в случае нереферентного второго конъюнкта.

Рисунок 1. Результаты эксперимента: график взаимодействия

Полученные результаты несколько расходятся с данными [Давидюк 2024], где ближайший конъюнкт был выражен именем собственным и согласование с ним оценивалось как неприемлемое. Это различие может объясняться как минимум двумя факторами. Во-первых, имена собственные и нарицательные существительные занимают разные позиции в семантической иерархии, влияющей на выбор числового согласования [Санников 2008; Пекелис 2013b], и, возможно, аналогичным образом влияют на лично-числовое согласование. Во-вторых, в нашем эксперименте сказуемое было отделено от подлежащего предложной группой, что могло усилить вариативность согласования, поскольку расстояние между подлежащим и сказуемым может рассматриваться как значимый фактор [Гращенков 2024].

В докладе также будут представлены данные аналогичного эксперимента с конструкциями с *или*, которые, согласно предыдущим исследованиям, демонстрируют бóльшую вариативность лично-числового согласования по сравнению с конструкциями с *ни ... ни* [Давидюк 2025]; результаты этого эксперимента пока находятся на стадии обработки.

Список литературы

- Гращенков 2024 — Гращенков П. В. Вариативное согласование и структура сочиненной составляющей // Вопросы языкознания. 2024. № 3. С. 7–30.
- Гриценко 2024 — Гриценко И. О. Лично-числовое согласование при сочиненном подлежащем, содержащем местоимение, в русском языке: фактор абстрактности-конкретности именного конъюнкта // Rhema. Rhema. 2024. № 4. С. 89–106.
- Давидюк 2025 — Давидюк Т. И. Признаковые асимметрии предикативного согласования в русском языке (экспериментальное исследование). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2025.
- Давидюк 2024 — Давидюк Т. И. Лично-числовое согласование с сочинительными конструкциями с союзом *ни ... ни*: корпусное и экспериментальное исследование // Rhema. Rhema. 2024. № 3. С. 33–53.
- Пекелис 2013а — Пекелис О. Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). Рукопись. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение>.
- Пекелис 2013б — Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86.
- Прокопьева 2025 — Прокопьева А. В. Предикативное согласование по числу и лицу с сочинительной конструкцией с союзом *не только... но и*, включающей местоименный конъюнкт // Конференция молодых исследователей «Экспериментальные исследования языка», МГУ имени М. В. Ломоносова, 19–21 июня 2025 г.
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Corbett 1983 — Corbett G. G. Resolution rules: agreement in person, number, and gender // Order, Concord and Constituency / G. Gazdar, E. Klein, G. K. Pullam (eds.). Dordrecht: Foris, 1983. P. 175–205.

Добровольский Дмитрий Олегович
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Институт языкознания
РАН

Зализняк Анна Андреевна.
Институт языкознания РАН

Дверь не открывается: к вопросу о русском модальном пассиве.

Известно, что в русском языке есть большое количество конструкций с неочевидной модальной составляющей. Некоторые из них хорошо известны и подробно описаны; их связь с модальностью не требует дополнительного обоснования. В других конструкциях наличие модального компонента менее очевидно. Одной из таких конструкций является так называемый модальный пассив (*дверь не открывается*), представляющий собой важную категорию русской грамматики и грамматической теории в целом. В докладе уточняются формальные и семантические признаки модального пассива и его место среди смежных категорий: обычный пассив (*председатель избирается ученым советом*), декаузатив (*дверь открылась от порыва ветра*), фасилитатив (*вино пьется как вода*) и возвратный глагол, характеризующий свойства синтаксического субъекта (*собака кусается, фарфор легко бьется*).

Дорофеева Елизавета Павловна
МГУ им. М. В. Ломоносова⁴

**Парадигматические пробелы и их «спасение» эллипсисом:
экспериментальное исследование**

1 Пробелы и их виды

Под парадигматическими пробелами [Kiparsky 2004; Albright 2009], также именуемых морфологической дефектностью [Sims 2023], понимается отсутствие в языке словоформ с ожидаемым значением, которые должны были возникнуть в результате словообразования или словоизменения. Согласно [Kastner and Zu 2017], пробелы бывают систематическими, возникающими вне зависимости от лексемы (например, отсутствие синтетической формы пассивного перфекта для всех глаголов в латыни), и лексическими, затрагивающими только определённый набор основ (как отсутствие приемлемой формы 1 л. ед. ч. наст. вр. для глагола пылесосить при наличии её у многих других глаголов в русском языке). Шаг к более чёткой классификации причин отсутствия словоформ сделан в [Mendes and Nevins 2022]. Согласно этой работе, существует два типа дефектных словоформ, выделяемых относительно поведения при эллипсисе, т.е. при отсутствии фонологической реализации [Lipták et al. 2022]:

- **Дефектность на PF-уровне** может быть «спасена» эллипсисом (как это происходит в случае с уже упомянутыми глагольными формами: предложения типа Ты

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных [https://rscf.ru/project/22-18-00037/](https://rscf.ru/project/22-18-00037/https://rscf.ru/project/22-18-00037/), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

пылесосишь в спальне, а я ([?]*пылесосу*) в большой комнате оцениваются носителями как более приемлемые при отсутствии фонологически выраженной дефектной формы);

- **LF-дефектность** такому спасению не поддаётся (в [Mendes and Nevins 2022] этот тип иллюстрируется генитивом *pluralia tantum*-существительного похороны при паукальном числительном: *Николай посетил одни похороны, а Алексей – *два/*две/?двое (*похорон)*).

2 Градуальность дефектности

Количество экспериментальных исследований различных типов парадигматических пробелов и в частности возможности их “спасения” эллипсисом довольно мало, хотя именно они позволяют учитывать критичную для дефектности вариативность между говорящими (см. [Pertsova 2016]). Кроме того, результаты таких исследований оказываются довольно неожиданными с точки зрения теории: так в [Zuberek 2026] часть опрошенных носителей польского, вопреки гипотезам, сочли некоторые формы генитива ед. ч., у которых существует два варианта флексии (-а и -и), LF-дефектными. Это свидетельствует о том, что теоретические утверждения нуждаются в обязательной экспериментальной проверке, а для моделирования дефектности необходимо учитывать её градуальную природу, понять которую можно благодаря сбору многочисленных суждений носителей. Целью данного исследования, призванного расширить эмпирическую базу о морфологической дефектности в русском языке, является в первую очередь установка стандарта сравнения для оценок приемлемости LF-дефектности – для этого мы экспериментально проверяем (не)возможность “спасения” эллипсисом форм родительного падежа *pluralia tantum*-существительных типа именины, похороны или ножницы при малых числительных, которые, как было упомянуто выше, согласно [Mendes and Nevins 2022], в русском языке являются эталонным случаем LF-дефектности. Кроме того, в рамках нашей работы мы сравниваем результаты предыдущих исследований “спасения” эллипсисом некоторых форм существительных, имеющих общий род или вызывающих гибридное согласование, [Дорофеева 2024, 2025] с установленным нами стандартом оценок приемлемости для LF-дефектности.

3 Экспериментальное исследование

В качестве независимых переменных для нашего исследования LF-дефектности *pluralia tantum*-существительных при малых числительных выступили наличие эллипсиса (*да/нет*), форма целевого существительного при отсутствии эллипсиса (*винительный⁵/родительный*), а также класс числительного (*количественное/собирательное*). Образцы стимульных предложений представлены в табл. 1.

элл ипсис	п адеж	числит ельное	предложение
да	-	колич.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — три .
нет	в ин.	колич.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — три ножницы .

⁵ Во всех стимульных предложениях интересующие нас комбинации числительного и существительного находились в позиции прямого объекта.

	р од.	колич.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — три ножниц.
да	-	собир.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — трое.
нет	в ин.	собир.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — трое ножницы.
	р од.	собир.	В канцелярском магазине Андрей купил пять ножниц, а Антон — трое ножниц.

Таблица 1: Образцы стимульных предложений с соответствующими им значениями независимых переменных

Основная гипотеза исследования повторяет суждения из [Mendes and Nevins 2022] и заключается в том, что предложения с фонологическим выражением дефектной словоформы будут оценены так же низко, как и без него. Помимо этого, мы предполагаем, что предложения с дефектным существительным в форме именительного падежа будут оценены выше, чем содержащие форму родительного падежа. Что касается числительных, в качестве гипотезы мы считали, что предложения с собирательными будут оцениваться выше, чем с количественными вне зависимости от наличия эллипсиса. В ходе эксперимента респондентам предлагается оценить предложения типа представленных в табл. 1 по шкале Ликерта (1 - 7). Основная гипотеза исследования повторяет суждения из [Mendes, Nevins 2021] и заключается в том, что предложения с фонологическим выражением дефектной словоформы будут оценены так же низко, как и без него. Помимо этого, мы предполагаем, что предложения с дефектным существительным в форме винительного падежа будут оценены выше, чем содержащие форму родительного падежа.

Результаты эксперимента, их теоретическая интерпретация и сравнение с упомянутыми выше исследованиями дефектности на материале русского языка будут представлены в докладе.

Библиография

- Albright Adam. Lexical and morphological conditioning of paradigm gaps // *Modeling ungrammaticality in optimality theory.* — 2009. — P. 117–164.
- Kastner Itamar, Zu Vera. Blocking and paradigm gaps // *Morphology.* — 2017. — Vol. 27, no. 4. — P. 643–684.
- Kiparsky Paul. Blocking and periphrasis in inflectional paradigms // *Yearbook of morphology 2004.* — Springer, 2004. — P. 113–135.
- Mendes Gesoel, Nevins Andrew. When ellipsis can save defectiveness and when it can't // *Linguistic Inquiry.* — 2022. — Vol. 54, no. 1. — P. 182–196.
- Pertsova Katya. Transderivational relations and paradigm gaps in Russian verbs // *Glossa: a journal of general linguistics.* — 2016. — Vol. 1, no. 1.
- Sims Andrea D. Defectiveness // *The Wiley Blackwell Companion to Morphology.* — 2023. — P. 1–33.
- Zuberek Szymon E. Mind the Gap: Morphological Defectivity and Suffixal Competition in Polish. — 2026. The derivational timing of ellipsis: An overview of theoretical approaches / Lipták Anikó, Güneş Güliz, Güneş Güliz, and Lipták Anikó // *The derivational timing of ellipsis.* — 2022. — P. 1–56.
- Дорофеева Е. П. Ограничения на идентичность при эллипсисе с сохранением представителя: экспериментальное исследование. — 2024. — Международная конференция тематической серии "Типология морфосинтаксических параметров".

Дорофеева Е. П. О тупицах и пьяницах: более прицельное экспериментальное исследование несоответствий по роду при эллипсисе с сохранением представителя. — 2025. — Экспериментальные исследования языка.

Дымарский Михаил Яковлевич
РГПУ им. А. И. Герцена / ИЛИ РАН
Комбинации сочинительных союзов

В докладе привлекается внимания к ранее не описывавшемуся явлению комбинирования сочинительных союзов в одном ряду и дается первичное описание четырех случаев такого комбинирования. Показывается, что утверждение о запрете на сочетание двух сочинительных союзов не вполне соответствует действительности — во всяком случае, применительно к русскому языку. Описываются полученные по запросам в Национальном корпусе русского языка конструкции, в которых 1) в ряд с повторяющимся союзом *ни... ни* введен дополнительный союз *и*; 2) в такой же ряд введен дополнительный союз *да и*; 3) в такой же ряд введено союзное сочетание *но и*; 4) в ряд с повторяющимся союзом *то ли... то ли* введен дополнительный союз *а*. Во всех случаях введение эксплетивного союза связано с реализацией дополнительных функций: ритмическим выравниванием фразы (*и*), подчеркиванием замкнутости ряда (во всех случаях), выражением колебаний говорящего (*да и*), добавлением уступительного или противительно-отождествительного оттенка (*но и*), подчеркиванием высшей точки градационной шкалы (*а*). Показано также, что, хотя описанные комбинации обладают разной степенью распространенности (первая и последняя распространены широко, вторая и третья значительно меньше), все они особенно актуальны для текущего состояния русского языка. Некоторые из них впервые фиксируются только в XX в., другие известны давно, но ранее использовались редко, а в последнее время демонстрируют заметный рост употребительности.

Н.А. Зевахина
ИЛИ РАН

Main clause phenomena в подчиненном контексте при цитировании

Доклад состоит из трех частей.

Во-первых, будет показано распределение (не-)риторических вопросов и восклицаний (main clause phenomena) в подчинительных контекстах с союзами *что/потому что* и с показателем приблизительного цитирования *мол* и без него на материале Основного корпуса НКРЯ (всего 498 примеров). Несмотря на встречаемость конструкций обоих видов (с частицей *мол* и без нее) в текстах XVIII – начала XXI вв., существенно больше примеров приходится на конструкции без частицы *мол*, чем с ней.

Во-вторых, будет продемонстрировано, что восклицания и риторические вопросы подчинимы в подчиненных контекстах цитирования *мол/мол + что/что*. Эти результаты затрагивают более общий вопрос (не)подчинимости восклицаний и риторических вопросов в русском языке и шире типологически.

В-третьих, будут проанализированы контексты цитирования с частицей *мол* и выявлены свойства прямой и косвенной речи. Как в прямой речи, в контекстах с частицей *мол* могут употребляться местоимения 1-го и 2-го лица, частицы (например, *же*), оценочная лексика, экспрессивные конструкции (восклицания и риторические вопросы). Как в косвенной речи, в подчиненных контекстах с частицей *мол* возможно употребление местоимений 3-го лица.

Иткин Илья Борисович
ИВ РАН / НИУ ВШЭ

**О соотношении подлежащего и сказуемого в русском и других языках
«номинативного» строя**

В современной теоретической лингвистике вопрос о соотношении подлежащего и сказуемого считается решенным: подлежащее рассматривается как один из аргументов вершинного предиката (подход $S \leftarrow V$). Однако, вопреки распространенному мнению, критерии, призванные доказать правильность такого подхода ("критерий эндоцентричности", "критерий морфосинтаксического локуса"), дают неадекватные результаты. Кроме того, этот подход оказывается неспособен объяснить ряд хорошо известных фактов – таких, как сочетаемость предлогов со всеми падежами, кроме именительного. В то же время почти забытый ныне подход $S \rightarrow V$ (подлежащее является главным, сказуемое – зависимым) позволяет сформулировать некоторые важные обобщения. При этом, в отличие от тезиса об особой роли сказуемого, имеющего "логико-философский" характер, тезис об особой роли подлежащего находит себе чисто лингвистическое подтверждение в наличии у именительного падежа еще одной, уникальной функции – функции остенсивного определения.

Казаковская Виктория Вилладиевна

Институт лингвистических исследований РАН

Модальные особенности устной речи взрослых, обращенной к разным адресатам

Предполагается обсуждение модальных высказываний в речи, обращенной к взрослым собеседникам и к маленьким детям (в так наз. инпуте). На репрезентативных данных двух лонгитюдных корпусов (фиксирующих общение с типично развивающимися русскоязычными детьми в возрасте от полутора до трех лет), расшифрованных и морфологически закодированных в соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000], анализируются количественный и качественный аспекты модального инпута. В частности, определяется доля реплик с предикатной модальностью в инпуте, которая соотносится с таковой в диалогической речи взрослых носителей языка (по данным устного подкорпуса НКРЯ). Выявляется устройство модального репертуара, определяются коррелятивные связи и дистрибутивные свойства модальных средств, отмечаются коммуникативные и субъектные особенности модальной продукции говорящих. Наблюдения о сходствах и различиях модальных реплик, функционирующих в узуальном и «детоцентрическом» речевых регистрах, подтверждаются статистически.

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / МГУ имени
М. В. Ломоносова
**Модели полифункциональности маркеров рестриктивного фокуса:
данные языков Волго-Камского ареала⁶**

Доклад посвящен семантике маркеров рестриктивного фокуса, т. е. таких, которые выражают отсутствие альтернатив фокусного выражения (как рус. *только, лишь*), см. [König 1991: 94–119]. Им посвящена довольно обширная литература, включающая детальное описание данных конкретных языков (см., например, [Пайар 1998] на русском материале), часто концентрирующаяся на формализации узких классов употреблений в крупных языках (см., например, [Ippolito 2007; Beaver, Clark 2008: 212–279; Chierchia 2013: 31–34, 109–115]). Вместе с тем не изучены сколько-либо системно модели полифункциональности рестриктивных маркеров и типологическое варьирование этих моделей.

В докладе мы попробуем внести вклад в этот аспект исследования, опираясь в первую очередь на собранный методами анкетирования носителей и анализа корпусных данных полевой материал языков Волго-Камского ареала (горномарийского, лугово-восточного марийского, удмуртского, татарского, башкирского). Будут проведены и некоторые параллели с материалом русского языка.

Мы затронем несколько моделей полифункциональности рестриктивных маркеров. Во-первых, это колексификация выражения рестриктивного фокуса и эмфатического утверждения идентичности, характерная для частицы *lač* ‘только, именно’ в марийских языках и сопровождающаяся, в частности, ограничениями на референциальные свойства групп в сфере действия этой частицы.

Во-вторых, мы рассмотрим употребление маркеров рестриктивного фокуса как модификаторов степени проявления признака, ср. использование частицы *gna/genä* ‘только’ для указания на степень выраженности признака (в приводимых примерах признака ‘маленький’) в тюркском идиоме севера Башкортостана (неоднозначно трактуется как татарский или башкирский, (1)) и ту же модель у соответствующих ей заимствованных частиц в татышлинском говоре удмуртского языка (2) и в мишкинском говоре лугово-восточного марийского языка (3). Такие примеры укладываются в возможный паттерн употребления рестриктивных частиц в скалярных контекстах (ср. некоторые примеры в [Пайар 1998]), однако состав этих контекстов и типы модифицируемых шкал являются предметом межъязыкового варьирования.

(1) *bu bala bäläkaj genä, üz-e mäktäp-kä bar-a.*
этот ребенок маленький только REFL-POSS.3 школа-DAT идти-NPST.3SG
‘Этот ребенок совсем маленький, но сам идет в школу’.

(2) *ta näl pič'i gäne, ač'-iz škol-e mән-e.*
этот девочка маленький только REFL-POSS.3SG школа-ILL идти-PRS.3SG
‘Эта девочка совсем маленькая, но сама идет в школу’.

(3) *erge izi gәna.*
мальчик маленький только
‘Мальчик совсем маленький’.

В-третьих, на базе рестриктивного значения (представляющего собой предельную характеристику) может развиваться значение высокой интенсивности (не являющееся

⁶ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285-П, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

предельным), ср. пример (4) из горномарийского языка, где частица *vele* ‘только’ указывает на большое количество тараканов, но не на отсутствие на кухне других существей, помимо тараканов. Сходная семантика характерна для некоторых употреблений русского *один* (5).

- (4) *malân kuxn'a-et-šë tarakan vele?*
почему кухня-POSS.2SG-POSS.3SG таракан только
‘Почему кухня-то вся в тараканах?’

(5) *А спешить тут реально некуда: по автобанам все равно лимит 120, а по городу одни светофоры.* [Yandex]

Для каждой из рассмотренных моделей полифункциональности мы рассмотрим возможные семантические основания, опираясь как на внутриязыковую, так и на типологическую аргументацию.

Список сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; DAT — датив; ILL — иллатив; NPST — непрошедшее время; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Пайар Д. Только // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / ред. Киселева К. Л., Пайар Д. М.: Метатекст, 1998. С. 45–55.

Beaver D., Clark B. Sense and sensitivity. How focus determines meaning. Oxford: Blackwell, 2008. xiv + 307 p.

Chierchia G. Logic in grammar. Polarity, free choice, and intervention. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Ippolito M. On the meaning of *only* // Journal of Semantics, 2007. № 25. P. 45–91.

König E. The meaning of focus particles. A comparative perspective. London, New York: Routledge, 1991.

Костомарова Ксения Павловна

Супплетивные формы сравнительной степени прилагательных *хороший* и *плохой* и их конкуренция в истории русского языка

Супплетивные формы сравнительной степени *лучше* и *хуже* представляют собой один из наиболее устойчивых примеров супплетивизма. Современные пары *хороший* — *лучше* и *плохой* — *хуже* с исторической точки зрения оказываются вторичными: формы *лучше* и *хуже* появились в языке значительно раньше соответствующих прилагательных и первоначально соотносились с другими позитивами — *добрый* и *худой*. История этих компаративов показывает, что в развитии общеоценочной лексики русский язык сохранял старые сравнительные формы даже тогда, когда сами прилагательные, выражавшие положительную или отрицательную оценку, менялись.

Форма *хуже* фиксируется в памятниках с XI века и первоначально выступает как сравнительная степень прилагательного *худой*. Она употребляется наряду с другими общеоценочными компаративами — *горше* и *горчае*. Между ними еще не существовало четкого семантического распределения. Ситуация начинает меняться после активного вхождения в язык в XV–XVI веках прилагательного *плохой*. Постепенно новое слово начинает вытеснять *худой* из сферы общей отрицательной оценки. Само прилагательное *худой* при этом изменяет и сужает сферу своего употребления: к концу XVIII века за ним закрепляется значение ‘такой, масса тела которого меньше среднего’. Именно с этим новым значением связано появление несупплетивного компаратива *худее*. Форма

хуже, напротив, постепенно переосмысливается как сравнительная степень уже нового прилагательного *плохой*.

В текстах XIX века такая связь становится регулярной, однако в течение длительного времени форма *хуже* конкурировала с другим компаративом — *плоше*, образованным непосредственно от прилагательного *плохой*. В XVII веке обе формы активно фиксируются в текстах и иногда употребляются как аналоги. Однако постепенно форма *плоше* вытесняется в разговорную и стилистически сниженную сферу, сохраняясь в языке лишь как архаизированный или просторечный вариант.

Показательно, что система сохраняет именно супплетивный компаратив, тогда как формально «правильная» форма оказывается периферийной. Это свидетельствует о высокой устойчивости супплетивизма в ядре общеоценочной лексики. Сходным образом развивалась и история формы *лучше*. Она появляется в древнерусских и старославянских текстах значительно раньше прилагательного *хороший* и первоначально выступает как сравнительная степень прилагательного *добрый*. В древнерусском и старославянском языках существовало сразу несколько компаративов положительной оценки: *уне*, *льпше*, *паче*, *вятше*, *лучше*, *добрее*. Между ними не наблюдалось строгих семантических различий; различия были главным образом стилистическими и жанровыми. Постепенно именно форма *лучше* занимает наиболее нейтральное положение и становится основным общеоценочным компаративом.

В XVIII веке в русском языке активно распространяется прилагательное *хороший*. Почти одновременно с этим форма *лучше* начинает переосмысливаться как его сравнительная степень. В «Словаре Академии Российской» форма *лучший* прямо определяется как сравнительная степень прилагательного *хороший*. Одновременно старые компаративы положительной оценки постепенно выходят из употребления или сохраняются лишь в отдельных стилистически маркированных контекстах.

При этом в языке некоторое время продолжают существовать и несупплетивные формы сравнительной степени от прилагательного *хороший*, например и *хороше^е*. Однако их употребление оказывается ограниченным. Такие формы встречаются преимущественно в эстетически маркированных или архаизированных контекстах и довольно быстро вытесняются формой *лучше*. Подобно тому как *хуже* вытесняет *плоше*, супплетивный компаратив вновь оказывается устойчивее морфологически прозрачной формы.

Особый интерес представляет семантическое различие между позитивом *хороший* и компаративом *лучше*. В современном языке *хороший* обычно выражает абсолютную оценку относительно некоторой нормы или идеализированного представления о предмете. *Лучше*, напротив, выражает относительную оценку внутри конкретного сравнительного ряда. В высказывании *мой врач плохой, твой лучше* форма *лучше* вовсе не означает, что второй врач является «хорошим»; оба врача могут оцениваться отрицательно, но один оказывается менее плохим по сравнению с другим.

Таким образом, компаратив обозначает не абсолютное качество, а отношение между объектами. Именно эта относительность, по-видимому, и делает супплетивные формы особенно устойчивыми. Они оказываются менее зависимыми от конкретного позитива и способны переходить от одного оценочного прилагательного к другому. История пар *добрый* — *лучше*, *хороший* — *лучше*, *худой* — *хуже* и *плохой* — *хуже* показывает, что система степеней сравнения в русском языке развивалась не как жестко организованная морфологическая парадигма, а как подвижная система конкурирующих оценочных слов. При смене позитивов компаративы сохранялись, приспособляясь к новым лексическим центрам. Благодаря своей частотности, стилистической нейтральности и широкой семантике формы *лучше* и *хуже* превратились в устойчивые и системообразующие элементы русской оценочной лексики.

(МГУ им. М.В. Ломоносова)

(stacy.krainova@gmail.com)

Паско Лада Игоревна

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т языкознания РАН)

(paskolada@yandex.ru)

Реконструкция для принципа С и катафора в русском языке

Проблема. Реконструкция для принципа С является одним из центральных феноменов в теории связывания. В классической формулировке теории связывания (Chomsky 1981) принцип С требует, чтобы референциальные выражения (R-выражения) не находились в зоне с-командования коиндексированной составляющей — иначе предложение неграмматично (1a). Особый интерес представляет поведение принципа С в конструкциях с передвижением. Предполагается, что наличие нарушений принципа С определяется в конфигурации до \bar{A} -передвижения — это явление известно как реконструкция для принципа С (*Principle C reconstruction*). Так, предложение (1b) неграмматично, поскольку топиализованная ИГ *Машу* связана коиндексированным прономиналом *она* в базовой позиции.

- (1) а. * Она_i видит Машу_i на фотографии.
б. * Машу_i [она_i видит __ на фотографии].

Принцип С считается строгим ограничением, нарушение которого ведет к неграмматичности. Однако эмпирическая картина оказывается значительно менее однозначной. Во-первых, во многих работах, начиная с (Lebeaux 1991), отмечается, что эффект реконструкции наблюдается для аргументов, но не для адьюнктов. Этот контраст послужил основанием для гипотезы о поздней вставке (*Late Merger*): адьюнкты избегают реконструкции, поскольку оказываются в структуре позже, чем происходит передвижение. Во-вторых, эффект реконструкции ослабляется при увеличении структурного или линейного расстояния между прономиналом и R-выражением (Huang 1993) — этот факт едва ли сопоставим с представлением о принципе С как о строгом грамматическом ограничении. Поскольку реконструкция для принципа С представляет собой вариативный феномен и создает тонкие грамматические контрасты, для которых бинарной оценки грамматичности недостаточно, она неоднократно изучалась в рамках экспериментальных исследований — прежде всего, на материале английского языка, см., например, (Adger et al. 2017; Bruening & Al Khalaf 2019; Stockwell et al. 2021, 2022).

Эффекты реконструкции для принципа С в русском языке ранее отдельно не исследовались. Дополнительную сложность для обсуждения реконструкции в русском представляет фактор катафоры: возможно, неприемлемость в базовых примерах, демонстрирующих нарушение принципа С, например, (1a), создается не столько самим этим нарушением, сколько тем, что местоимение линейно предшествует своему антецеденту. В английском языке, на материале которого чаще всего обсуждаются эффекты реконструкции, катафора не создает неприемлемости; в русском же катафорические зависимости снижают приемлемость предложений, см. экспериментальные исследования (Kazanina & Phillips 2010; Соловьева 2022).

Данные. Мы провели экспериментальное исследование, чтобы установить, насколько неприемлемость предложений с нарушением принципа С в базовой конфигурации сводится к катафоре, а также проверить наличие эффектов реконструкции для принципа С в русском языке. В эксперименте 1 в качестве материала послужили предложения, в которых одна из целевых ИГ была вложена в относительную клаузу с легкой вершиной *то*. Наличие нарушения принципа С и катафора выступили в качестве

независимых переменных, см. (2). Третьей переменной было наличие дополнительного antecedента у прономинала: он вводился с помощью конструкций *по словам X / если верить X*, которые предшествовали стимульному предложению.

- (2) а. Она выкинула то, что Лида нашла на чердаке. +нарушение С,
+катафора
- б. То, что Лида нашла на чердаке, она выкинула. +нарушение С, –катафора
- с. То, что она нашла на чердаке, Лида выкинула. –нарушение С, +катафора
- д. Лида выкинула то, что она нашла на чердаке. –нарушение С, –катафора

Условие, которое иллюстрируется примером (2а), представляет собой нарушение принципа С в базовой конфигурации. Условие (2б) предположительно содержит конфигурацию, в которой происходит реконструкция: относительная клауза, вершина которой занимает позицию дополнения, подвергается \bar{A} -передвижению (топикализации). Условие (2с) не содержит нарушений принципа С ни в базовой, ни в деривированной позиции, однако в нем возможна катафора между целевой ИГ и прономиналом. Условие (2д) — контрольное: ничто не должно препятствовать коиндексированию между целевой ИГ и местоимением. Задача респондентов заключалась в выборе интерпретации: они должны были выбрать antecedent прономинала (целевой, введенный дополнительно, отсутствующий в рамках предложения). Инструкция была сформулирована как вопрос на понимание предложения — например, для предложения (2б) он звучал следующим образом: “Кто что-то выкинул?”. В качестве зависимой переменной выступала доля ответов, соответствующих коиндексированию между прономиналом и целевой ИГ. Такая методика позволила напрямую оценить доступность коиндексирования.

Результаты эксперимента показали, что в базовой конфигурации при нарушении принципа С коиндексирование между прономиналом и целевой ИГ невозможно. Этот эффект не сводится к катафоре: хотя катафора влияет на предпочтения, она не блокирует возможность коиндексирования в условиях без нарушения принципа С. В условиях, где ожидалось появление эффектов реконструкции, эти эффекты действительно наблюдаются: в условии (2б) целевой antecedent выбирается реже, чем в условии (2д). Однако эти эффекты оказываются слабыми — коиндексирование с целевой ИГ все еще возможно в большинстве случаев. В отличие от принципа С в базовой конфигурации, катафора и реконструкция для принципа С подвержены влиянию факторов, связанных с обработкой предложения. В частности, в этих условиях респонденты более охотно выбирают целевой antecedent, когда он является единственным доступным в рамках стимульного предложения.

Эксперимент 2 был призван проверить, действительно ли эффект, который мы интерпретировали как реконструкцию для принципа С в эксперименте 1, действительно ей является. В качестве независимой переменной выступал тип клаузы в начальной позиции, ср. (3): а. топикализованная относительная клауза с легкой вершиной (условие идентично (2б) из эксперимента 1), б. коррелятив, с. топикализованная относительная клауза со стандартной вершиной-существительным, д. безвершинная относительная клауза (*free relative*). Гипотеза эксперимента основывалась на том, что коррелятивы, согласно подходам (Лютикова 2008; Tsedryk 2016), порождаются сразу на левой периферии предложения. Поскольку эффект реконструкции связан с наличием \bar{A} -передвижения, в коррелятивных конструкциях он должен отсутствовать. Методика проведения экспериментов 1 и 2 была идентичной.

- (3) а. То, что Лида нашла на чердаке, она выкинула. с легкой вершиной
- б. Что Лида нашла на чердаке, то она выкинула. коррелятив
- с. Коробку, которую Лида нашла на чердаке, она выкинула. с вершиной-сущ.
- д. Что Лида нашла на чердаке, она выкинула. без вершины

Согласно результатам эксперимента, между условиями с топикализацией относительной клаузы и коррелятивом нет значимых различий. Это означает, что эффект, который мы ранее интерпретировали, как реконструкцию для принципа С, вероятно, ей не является. Мы предполагаем, что он обусловлен факторами, связанными с обработкой предложений: неканоническим порядком слов (OSV) или сложностью обработки вложенных структур.

Выводы. С одной стороны, результаты экспериментального исследования демонстрируют, что в русском языке принцип С в базовых конфигурациях представляет собой строгое грамматическое ограничение. Он не сводится к катафоре и не подвержен влиянию факторов обработки предложений, что подтверждает его статус как части грамматики. С другой стороны, данные не предоставляют убедительных свидетельств в пользу реконструкции для принципа С в конструкциях с топикализацией относительных клауз. Наблюдаемые эффекты оказываются слабыми и, по-видимому, объясняются влиянием других факторов. В более широком теоретическом плане отсутствие эффектов реконструкции для принципа С допускает несколько интерпретаций: во-первых, возможна А-, а не \bar{A} -природа топикализации в рассматриваемых случаях; во-вторых, можно допустить, что все рассматриваемые типы клауз порождаются непосредственно в высокой позиции (ср. гипотезу *Late Merger*); в-третьих, можно предположить, что реконструкция для принципа С, в отличие от принципа С в базовой конфигурации, не является универсальным грамматическим феноменом. Проверка этих гипотез — цель дальнейших исследований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литература.

Лютикова 2008 — Лютикова Е.А. Загадки русских относительных предложений: хэндаут доклада на конференции «Синтаксические структуры-2», 2–4 апреля 2008 г. М.: РГГУ, 2008. • **Соловьева 2022** — Соловьева А.В. Межклаузальная катафора в русском языке (экспериментальное исследование). Дипломная работа бакалавра. М.: МГУ, 2022. • **Adger et al. 2017** — Adger D., Drummond A., Hall D., Van Urk C. Is there Condition C reconstruction // *Proceedings of NELS*. 2017. Vol. 47. P. 21–31. • **Bruening & Al Khalaf 2019** — Bruening B., Al Khalaf E. No argument–adjunct asymmetry in reconstruction for Binding Condition C // *Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 55. No. 2. P. 247–276. • **Chomsky 1981** — Chomsky N. *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Dordrecht: Foris, 1981. • **Huang 1993** — Huang C.-T. J. Reconstruction and the structure of VP: Some theoretical consequences // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 103–138. • **Kazanina, Phillips 2010** — Kazanina N., Phillips C. Differential effects of constraints in the processing of Russian cataphora // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2010. Vol. 63. No. 2. P. 371–400. • **Lebeaux 1991** — Lebeaux D. Relative clauses, licensing, and the nature of the derivation // *Perspectives on Phrase Structure: Heads and Licensing*. Brill, 1991. P. 209–239. • **Stockwell et al. 2021** — Stockwell R., Meltzer-Asscher A., Sportiche D. There is reconstruction for Condition C in English questions // Farinella A., Hill A. (eds.), *Proceedings of the 51st annual meeting of the North Eastern Linguistic Society (NELS 51)*. 2021. Amherst, MA: GLSA. P. 205–214. • **Stockwell et al. 2022** — Stockwell R., Meltzer-Asscher A., Sportiche D. Experimental evidence for the Condition C argument–adjunct asymmetry in English questions. 2022. • **Tsedryk 2016** — Tsedryk E. (Cor)relativization as a by-product of wh-probing: the case of Russian // *Current Developments in Slavic Linguistics: Twenty Years After* / eds. T. Radeva-Bork, P. Kosta. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016.

Крылов С. А.
Ин-т Востоковедения РАН, Москва

Об апостериорном металингвистическом подходе (АМП) к русской грамматике

АМП - металингвистический, т. к. его объект - научные (в т. ч. научно-популярные и учебные) тексты, где формулируются общие законы («правила»), задающие правильность русских слов и предложений.

АМП - апостериорный, т. к. мысль лингвиста движется в направлении от наблюдаемых фактов к формулировкам этих законов. Эти факты берутся не прямо из наблюдений лингвиста, а из уже опубликованных письменных текстов особого жанра: грамматик русского языка (РЯ).

Важнейшая задача работы - создание **метаграмматического корпуса РЯ (МГКРЯ)**.

В работе над МГКРЯ сочетаются несколько стратегий упорядочения: хронологическая, рейтинговая, количественно-информационная.

Разметка МГКРЯ бывает терминологической, семантической и лексической. Результатом последней является **метаграмматический словарь РЯ**.

Кустова Галина Ивановна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова / ГИРЯ им. А.С. Пушкина
Агентивные и экспериенциальные наречия: контроль субъекта

В докладе рассматриваются агентивные наречия, характеризующие действие агенса (ср. *тщательно, внимательно, осторожно, расчетливо, напористо, смело, методично*), и экспериенциальные (*неожиданно, больно, радостно, смешно, обидно, странно, понятно, интересно*).

Виртуальный (синтаксически невыразимый) субъект агентивных наречий контролируется главным предикатом предложения (обычно глаголом), к которому относится наречие (т.е. субъект наречия кореферентен субъекту глагола).

У экспериенциальных наречий субъект иногда эксплицитно выражается, ср.: *понятно / интересно для детей*, ср.: *А кто нужен для постановки спектакля? Актеры? Что они делают? Чтобы они все **изобразили понятно для зрителей**, кто им помогает «увидеть», как ведут себя разные люди в тех или иных ситуациях общения, чтобы правильно сыграть свою роль? Режиссер* [«Вопросы психологии», 10.08.2004], – хотя более типично его выражение при прилагательном. Существенно, однако, что он не всегда контролируется главным предикатом, т.е. субъект экспериенциального наречия может быть (и часто бывает) некорреферентен субъекту глагола: *Он выскочил из-за угла неожиданно для нас = ‘X выскочил, Y не ожидал’*.

Е.М. Лазуткина
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

Композиционная семантика глагольных предложений с бытийным компонентом

Задача лексикографического описания глаголов в «Синтагматическом словаре русского языка» - включить в словарную статью грамматические пометы и иллюстративный материал из разных функциональных разновидностей русского языка, чтобы словарная статья с данным словом могла служить в качестве руководства при построении высказываний. Словарная статья также дает читателю научную информацию о морфологических особенностях слова, о частотности тех или иных форм, о направлении развития полисемии.

Теоретической основой исследования являются принципы функциональной лингвистики. В работе учитываются положения структурно-функциональных и когнитивно-прагматических исследований: модели предложений представляют собой интерпретативные образования, национальный код осмысления действительности, мир знаний социума, т.е. демонстрируют способ видения коллективного субъекта, его картину мира, его языковую практику. При анализе модельной семантики предложения мы исходим из психолингвистической природы языковых явлений: формирование семантики предложения происходит в процессе порождения высказывания в актах речи, в соответствии с мыслительным конструктом обозначаемого, т.е. в основе объяснения лежит идея о существовании у носителей языка гипотетического сигнификата предложения.

2. Категория экзистенции, «сущностная» категория, которой Аристотель придавал особый статус, находит способ своего представления и в предложениях с акциональными глаголами: строение моделей предложения обусловлено наличием модусного плана субъекта речи, информация преподносится в качестве положения дел, факта. Происходит семантическое усложнение структуры предложения, а денотативный план, названный конкретной глагольной лексемой, редуцируется и включается в смысл пропозиции.

Онтологическая категория бытийности тесно связана с категориями наличия, обладания, места, что показывается композиционной семантикой предложений, видо-временными формами глагола, морфологическими характеристиками всех компонентов моделей предложений.

3. Семантико-синтаксическая организация предложений, представляющих категорию экзистенции, имеет свои особенности.

3.1. О бытийном компоненте в значении высказывания свидетельствует, прежде всего, системно закрепленный за моделью предложения *обратный порядок слов*, не обусловленный актуальным членением. Это стилистически нейтральный порядок слов, и эти конструкции мы имеем право называть иконическими. Н.Д. Арутюнова выделяет «семантические составляющие» бытийных предложений, которые она называет «заранее заданным комплексом признаков»: «(1) область бытования (локализатор) – пространственный или временной параметр, (2) показатель существования (глагол), (3) бытующий предмет» [Арутюнова 1999: 742].

Большой класс предложений с глаголами зрительного и слухового восприятия и воспринимаемых признаков (*синеть, блестеть*), явления, положения в пространстве Н.Д. Арутюнова относит к «пограничным» случаям бытийности [Арутюнова 1999: 790].

3.2. Как известно, *тема* как организующий элемент синтагматического развертывания предложения когнитивно и коммуникативно детерминирована. Выбор *темы* рассматривается нами как оценка говорящими свойств носителя предикативного признака. Тема-фокус высказывания в предложениях с бытийным компонентом – это *область бытования* предмета или *субъект обладания*. Это именно то, на что говорящий хочет обратить внимание собеседника, вычленить субстанцию из реального мира.

3.3. В конструкциях с бытийным смыслом глагол-предикат часто теряет «уникальность» своего лексического значения, а особенность его значения используется говорящими как когнитивная метафора.

Материал показывает большое количество речевых образцов с бытийным компонентом, образованных глаголами с метафорическим значением.

Если глагол-предикат имеет обобщенное значение “иметь место”, “быть”, “наличествовать”, то предложения с ним синонимичны безглагольным конструкциям или являются структурными синонимами номинативных предложений; например: *На улице вьется снежок – На улице снежок – Снежок.*

Строение модели предложения *На улице вьется снежок* свидетельствует о процессе фразеологизации при образовании этого речевого образца, о несовпадении субъектно-предикатного ядра предложения и «смыслового сгустка» – подлежащно-сказуемостной группы. В позиции темы высказывания название области бытования – *На улице*. Это имя существительное играет роль семантического субъекта предложения, а функцию предиката, называющего процесс, выполняет фразеологизированный комплекс *вьется снежок*. (О типах субъектов и о способах представления семантической категории субъекта в предложении см: [Лазуткина 2020: 752-754; Лазуткина 2024]).

3.4. Каналы репрезентации мыслительной категории бытийности различны: это и строение предложения, и лексическое значение глагола-предиката, и грамматические формы глагола – страдательные причастия, формы прошедшего времени с актуальным для настоящего результативным значением. См. наблюдение В.В. Виноградова: «Сложилась разнообразная значения и оттенки современного употребления формы прошедшего времени на -л. Тут наблюдается целая гамма переходных оттенков от перфектного значения к аористическому. В некоторых случаях идея результата или состояния, относящегося к настоящему времени, решительно перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом» [Виноградов 1947: 565].

В «Синтагматическом словаре» помета в глагольной статье «*частотны формы страдат. Причастия прош. времени*» свидетельствует о результативном или стативном значении конструкций. См.: *Зеркала, наполненные отражением света; Разнородные части романа, пронизанные общей задачей; Строчки письма, пропитанные слезами облегчения.*

3.5. Акцентирование говорящим значения бытийности нивелирует и роль производителя действия. Более очевидно это проявляется в значении страдательных оборотов. Ср. заключение А.В. Попова: «В страдательном обороте действие представляется как факт, как такое проявление действия, при котором производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется» [Попов 1888: 174].

4. В словарной статье показываются варианты синтагматического развертывания – наличие или отсутствие обстоятельственных элементов, которые выполняют функцию конкретизаторов; например: *где/ откуда / у кого /когда/ без доп.*

5. Акциональные глаголы с доминирующим бытийным компонентом можно разделить на семь разрядов – с пространственными ориентирами бытия, нахождения или временными ориентирами (начала или завершения процесса):

I. Глаголы, обозначающие явления ментальной сферы

II. Глаголы зрительного и слухового восприятия.

III. Глаголы возникновения – “начать существовать”, “появиться, проявиться , обнаружиться”.

IV. Глаголы исчезновения.

V. Глаголы местонахождения.

VI. Глаголы приближения события.

VII. Пограничная группа – глаголы осуществления – “иметь место, происходить “.

Левонтина Ирина Борисовна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

Прием обращения к воображаемой аудитории в русской грамматике

Прием обращения к воображаемой аудитории чрезвычайно характерен для обиходного диалога – есть целая серия прагматизированных выражений с такой идеей (часто, хотя и не всегда, связанных с глаголами зрения): *Вы посмотрите!*; *Ты на нее посмотри!*; *Нет, вы это видели?*; *Видите ли?*; *Ну ты глянь!*; *Товарищи, где же это видано!*; *Скажите, пожалуйста!*; *Нет, вы это слышали?*; *Как это вообще понимать?*; *Люди добрые!* И т. П., которые произносятся независимо от присутствия третьих лиц. Говорящий в этот момент обращается не к реальному собеседнику, а к несуществующей аудитории. Некоторые обращения к воображаемым адресатам лексикализовались и выполняют функцию междометий: *батюшки*, *мамочки*, *мать моя женщина*, *мама дорогая* и др. Отдельную проблему представляют выражения с местоимением ты: *ишь ты*, *ох/ах/ух ты*, *фу ты ну ты*, в которых функция этого *ты* не очевидна. Кроме того, имеется отчуждающая и обесценивающая конструкция: – *Я работаю!* – *Работает она!*

Летучий Александр Борисович
НИУ ВШЭ / ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

Русские сложные слова: суффиксы

В докладе рассматриваются русские сложные слова - при этом упор делается именно на выбираемые суффиксы. Данный аспект почти не покрывается существующими исследованиями, в частности, в работах Л.Л. Фёдоровой и П.В. Гращенкова он обсуждается только кратко. Я покажу, что выбор суффиксов (например, в случаях типа ("околодомовой" и "бездомный") и выбор ударения ("внутриглазной" и "надглазный") не сводится к индивидуальным свойствам конкретных сочетаний первой и второй части сложных слов. Различие в выборе суффиксов отражает разный способ образования сложного слова - несмотря на то, что, на первый взгляд, все рассматриваемые сложные слова образуются от синтаксических групп типа "внутри глаза" и "над глазом". Противопоставление данных способов отчасти близко к рассматриваемым в работах П. Свенониуса и С.Г. Татевосова типам образования приставочных глаголов, но в то же время отражает порядок дериваций при образовании сложного слова.

Лютикова Екатерина Анатольевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва
Малые клаузы в русском языке: подъем и контроль⁷

В работе исследуется структура и дистрибуция актантных малых клауз в русском языке. Малые клаузы – это предикативные структуры, состоящие из субъекта и предиката, но неспособные к выражению предикативных категорий (времени, модальности, предикативного согласования) [Williams, 1975; Bowers, 1993]. Формальный синтаксический анализ малых клауз предполагает, что субъектно-предикатную структуру в них создает функциональная вершина, проецирующая субъект в своем спецификаторе, а предикат – в комплементе.

Малые клаузы сходны с нефинитными клаузами в том, что их подлежащее не может получить падежное лицензирование внутри клаузы. Значит, как и в случае с нефинитными клаузами, для малых клауз теоретически возможны две конфигурации: с выраженным подлежащим, получающим падеж во внешней синтагме (подъем в позицию подлежащего или прямого дополнения) или с нулевым подлежащим (PRO), которое не нуждается в

⁷ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

падеже, но предполагает внешний контролер – коиндексированную с-командующую именную группу. Соответственно, ожидаемая дистрибуция малых клауз включает актантные позиции, в которых теоретически возможны как подъем подлежащего в матричную клаузу, так и контроль нулевого подлежащего (PRO) со стороны термового аргумента матричной клаузы, и сирконстантные позиции, в которых допустимы только контролируемые нулевые подлежащие (PRO).

В русском языке понятие малой клаузы традиционно используется в анализе присказуемых имен (депиктивов), что позволяет объяснить оформление именного предиката творительным падежом и возможную ориентацию присказуемых имен на подлежащее или прямое дополнение, ср. (1) [Nichols, 1981; Никунласси, 1993; Bailyn, 2001; Кузнецова, Рахилина, 2014].

(1) Как-то с Г. Я. Политковским, еще по первым моим поездкам по зимовкам, заехали мы к лучшему коневоду Подкопаеву, которого; я_j встречал, [PRO_{i;j} сравнительно еще молодым], у моего хозяина. [Вл. А. Гиляровский. Москва газетная (1934)]

В [Лютикова, 2022, 2024; Кустова, 2025] обоснована релевантность понятия актантной малой клаузы для синтаксиса русского языка. Показано, что русские конструкции с составным именным сказуемым, возглавляемые полузнаменательными глаголами *становиться, делаться, считаться, оказаться, получиться, представляться* и т.п. [Русская грамматика, 1980, §1956] (2a-b) и структурно аналогичные им конструкции с переходными глаголами суждения, восприятия, каузации, включающие присказуемые именные составляющие (2c-e), могут быть проанализированы как результат подъема субъекта малой клаузы в позицию подлежащего (при непереходных глаголах) или дополнения (при переходных глаголах).

(2) а. Тут все они_i становились [_{t_i} похожими на Дронова]. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)]

б. Избушка_i оказалась [_{t_i} пустой]. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приемыш (1893)]

с. Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня_i считаете [_{t_i} легкомысленной]... [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

д. Немцы, выйдя из своей палатки, заметили нас_i [_{t_i} стоящими на телеге и смотрящими на юг] и обратили на это внимание. [В. А. Обручев. В делях Центральной Азии (1951)]

е. Он встал, объявил собрание_i [_{t_i} открытым], предложил избрать президиум. [В. В. Вересаев. Сестры (1928-1931)]

В рамках данной работы мы продолжим исследование актантных малых клауз в русском языке. Во-первых, мы покажем, что предикаты подъема, присоединяющие малую клаузу, образуют несколько семантических классов, которые характеризуются не только общей семантикой, но и рядом общих синтаксических свойств внутри классов. Можно выделить предикаты тождества (*являться, служить*), аспектуальные предикаты (*становиться, делаться*), эвиденциальные предикаты (*казаться, оказаться*), предикаты восприятия (*видеть, находить*), предикаты суждения (*слыть, считать*), предикаты каузации (*делать, объявлять*).

Во-вторых, мы обоснуем наличие в русском языке актантных малых клауз с контролируемым нулевым подлежащим (PRO). В противовес предшествующему обобщению [Shein, 1995: 57], в соответствии с которым предикаты контроля не могут присоединять малую клаузу в качестве своего аргумента, мы покажем, что имеется компактная семантическая группа предикатов, лицензирующих конструкцию с контролем в актантную малую клаузу (3).

(3) а. Они_i для вящей убедительности притворились [PRO_i больными] и уговорили звонить меня. [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985-2002)]

б. Кио_i проявил себя_i [PRO_i талантливым артистом] — ему удалось необычные интонации. [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

К этой группе относятся предикаты самоощущения (*ощущать себя, чувствовать себя*) и предикаты каузации восприятия себя или суждения о себе (вести себя так, чтобы выглядеть или считаться кем-то/каким-то: *притворяться, прикидываться, проявлять себя*). Их отличие от предикатов подъема состоит в том, что они накладывают селективные ограничения на свои термовые аргументы (**Кио проявил сына талантливым артистом*), а в отличие от конструкций с депиктивами в данных конструкциях малая клауза (или другой способ выражения данной семантической валентности) обязательна (**Они для вящей убедительности притворились*).

Легко видеть, что семантическая группа предикатов (и даже лексический состав глаголов) во многом совпадают с предикатами подъема из малой клаузы (предикаты восприятия, суждения, каузации). Можно предположить, что принадлежность к данной группе предопределяет возможность селекции актантной малой клаузы, а семантический контроль возникает как следствие идентификации экспериенцера и стимула (предикаты самоощущения) или каузатора и стимула при вынесении экспериенцера за кадр (предикаты каузации восприятия и суждения).

Список литературы

- Кузнецова Ю.Л., Рахилина Е.В. Депиктивы оказались удивительными // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Vol. X, № 2. 2014. С. 180–218.
- Кустова Г.И. Конструкции подъема с глаголами восприятия в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Т. 8, вып. 2. 2025. С. 66–88
- Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 6. 2022. С. 58–74.
- Лютикова Е.А. Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах // Вопросы языкознания. № 6. 2024. С. 7–31.
- Никунласси А. Именительный или творительный?: Синтаксические прилагательные при полнознаменательных глаголах в русском языке: Проблемы выбора падежа. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1993.
- Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. ZAS Papers in Linguistics. Ed. by G. Jäger, A. Strigin, Ch. Wilder, N. Zhang. Vol. 22. Berlin: ZAS, 2001. P. 1–23.
- Bowers J. The syntax of predication. Linguistic inquiry. Vol. 24. 1993. P. 591–656.
- Nichols J. Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1981.
- Shein B. Small clauses and predication. Small clauses (Syntax and Semantics, 28). Ed. by A. Cardinaletti, M. Guasti. San Diego: Academic Press, 1995. P. 49–76.
- Williams E. Small clauses in English. (Syntax and semantics, 4). Ed. by J. Kimball. Orlando: Academic Press, 1975. P. 249–273.

Матханова Ирина Петровна

Новосибирский государственный педагогический университет

Местоименный предикатив *незачем*: вопрос о сфере отрицания

В докладе рассматриваются высказывания, содержащие местоименное наречие *незачем*. Это слово находится в центре ряда дискуссионных проблем: определения грамматического статуса, соотношения с другими отрицательными местоимениями, лексикографического описания, роли сложной структуры конструкций с семантикой цели.

Большинство исследователей включают *незачем* в один ряд с *некого*, *нечего*, *некуда*, *негде*, *неоткуда*, однако Ю.Д. Апресян и Л.Л. Иомдин справедливо отмечают, что «степень их однородности преувеличена». Анализ языкового материала показывает наличие у *незачем* значительной специфики. Так, трансформация, работающая в случае с *негде*, *некуда*, *нечего* и под., не всегда применима к *незачем*: ***Незачем* было говорить** → *Не было цели, зачем говорить*; но: *...чтобы изучить город изнутри...*(цель), *вам незачем идти к бездушным ремесленникам* (Н. Емельянова) → *у вас не существует цели...

Цель исследования – выявление высказываний со словом *незачем*, в которых отрицание обладает разной сферой действия.

Материалом послужили высказывания со словом *незачем*, извлеченные из НКРЯ (более 400).

Семантика цели представляет собой сложную ситуацию, включающую каузирующую ситуацию (целеполагание), каузируемую ситуацию (результат действий, направленных на его достижение) и связь между ними (А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян, И.Б. Левонтина и др.). Наиболее полно эта семантика отражена в определении А.К. Жолковского: «*P* – цель лица *A*, если *A* считает (= исходит из того), что есть один или несколько «путей» (= способов) к *P*, полностью состоящих из тех предметов и действий (= ресурсов), которые зависят от (= которыми располагает) *A*; если один из них *A* предпочитает остальным и если *A* предпочитает расстаться с составляющими его ресурсами, нежели не достичь *P*; к этому добавляется формулировка принципов целесообразного поведения» [Жолковский, 1964, с.69]. (подчеркнуто мною. – И.М.).

Спецификой высказываний с предикативом *незачем* является их двусубъектность, в них взаимодействуют: а) субъект контролируемого действия, выражаемого инфинитивом, б) субъект оценки / мнения, который указывает на отсутствие цели, негативное отношение к цели, на неверный, с его точки зрения, выбор средств (путей достижения) и др.

Итак, в высказывании может отрицаться само наличие цели действия (редко): *... для человека ... причастного к сознательной жизни не было впереди целей..., незачем было и жить* (М. Салтыков-Щедрин); *Ему ездить было некуда и незачем*, (И. Грекова).

В других случаях отрицание касается путей, способов достижения цели: 1) называются разные пути достижения цели, отрицание относится к одному из них (*КПРФ хорошо бы избавиться от ленинской тени. Для этого незачем отречься от прошлого... Просто сменить название* (А. Салуцкий); 2) называется действие, которое субъект мнения считает негодным для достижения цели и отрицание распространяется на него: *...незачем вмешиваться в естественный процесс развития языка, все образуется со временем* (Л.П. Якубинский); 3) субъект мнения считает, что цель уже достигнута, действие для ее достижения совершать не нужно: *Вождь... не притронулся к тоненькой папке-шивателю. Незачем — он знал содержание, не заглядывая в текст* (Г. Яхина).

Приведенными примерами не исчерпываются все возможные варианты, это требует дальнейшего изучения, так как от сферы действия отрицания зависит выделение значений предикатива *незачем*.

Конструкции с внешним посессором в нанайском языке⁸

В нанайском языке (< тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край РФ) посессивные отношения между участниками могут быть выражены с помощью конструкции с внешним посессором:

- (1) [təj žaŋgean-do-a-č̣i] [ʒele-wa-nʲ] čale-ra
тот начальник-DAT-OBL-3PL голова-ACC-3SG резать-CVB.NSIM
xəjə-č̣ ənu-xə-č̣=go
вниз.по.течению-DIR уйти-PST-3PL=PART
'Тому их начальнику голову отрезав, вниз по течению ушли.' (Нанайский корпус)

Более стандартная и частотная посессивная конструкция (т. е. конструкция с внутренним посессором) выглядела бы следующим образом:

- (2) [təj žaŋgean-č̣i ʒele-wa-nʲ] čale-ra
тот начальник-3PL голова-ACC-3SG резать-CVB.NSIM
xəjə-č̣ ənu-xə-č̣=go
вниз.по.течению-DIR уйти-PST-3PL=PART
'Голову того их начальника отрезав, вниз по течению ушли.'

Цель доклада — сделать обзор конструкций с внешним посессором в нанайском языке и описать их морфосинтаксические и семантические свойства. Исследование основано на материале устных текстов, включенных в Корпус нанайского языка (Оскольская, Шрейбер & Якубой 2024). В отдельных случаях мы также обращались к материалу других коллекций текстов.

Конструкция с внешним посессором предполагает, что отношения обладаемого-обладателя выражены в отдельных составляющих, при этом составляющая, кодирующая обладателя, является зависимым глаголом, см. (Payne & Varshi 1999: 3). В нанайском языке основной способ кодирования посессивных отношений — лично-числовой притяжательный показатель на обладаемом, согласующийся с обладателем: в примерах выше это показатель 3SG *-ni* на слове 'голова', реферирующий к «начальнику». В конструкции с внутренним посессором обладатель употребляется в форме номинатива, или в «беспадежной» форме по (Аврорин 1959: 142), ср. отсутствие падежных показателей в (2) в слове *žəŋgeanč̣i*. Это единственная допустимая форма для оформления зависимого имени. Она также совпадает с формой, кодирующей подлежащее. Однако предложения типа (2) исключают интерпретацию формы обладателя как подлежащего, поскольку в таком случае посессивные отношения с обладаемым маркировались бы рефлексивно-притяжательным, а не лично-притяжательным показателем. В конструкции с внешним посессором (1) обладатель маркируется падежным показателем и является зависимым глаголом «отрезали начальнику / у начальника». В примере (1) представлен наиболее прототипический вид конструкции с внешним посессором. Однако в корпусе нанайского языка также встречаются периферийные конструкции с более спорным статусом. Они будут рассмотрены подробнее в докладе.

Семантически конструкции с внешним посессором в нанайских текстах чаще всего встречаются при кодировании отношений частей тела и их хозяев, частей неодушевленных объектов, терминов родства. Некоторые более периферийные употребления также возможны.

Глоссы

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIR — директив; NSIM — разновременное деепричастие; OBL — косвенный падеж; PART — частица; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Литература

Payne, Doris L. & Immanuel Barshi. 1999. External Possession: What, Where, How, and Why? In Doris L. Payne & Immanuel Barshi (eds.), *External possession*, 3–29. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Аврорин, Валентин Александрович. 1959. *Грамматика нанайского языка*. Vol. 1. Москва - Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Оскольская, Софья Алексеевна, Анна Сергеевна Шрейбер & Андрей Иванович Якубой. 2024. Корпус нанайского языка. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ.

Пекелис Ольга Евгеньевна
РГГУ, НИУ ВШЭ

Некогда* как маркер изменения ситуации: из истории местоимений на *не-

В настоящем исследовании изучается эволюция неопределенного местоимения *некогда* после XVIII в. на фоне более общей истории местоимений с маркером *не-*. Сегодня, в отличие от древнерусского (Крысько и др. 2020: 178; Penkova, Rabus 2021), префикс *не-* не образует регулярной серии неопределенных местоимений; ср. древнерусские местоимения *нѣгдѣ* ‘где-то’ и *нѣкакѣи* ‘какой-то’ (Словарь XI-XVII вв.), отсутствующие в современном языке. В XVIII в., по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), неопределенный *не-* все еще использовался шире, чем сегодня, ср. (1) и (2). Таким образом, можно говорить о тенденции к постепенному сокращению репертуара неопределенных местоимений на *не-* после XVIII в.

- (1) *Негде по случаю найденый <...> малый, ветхий, презренный ботик.* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное ... (1720)]
- (2) *Но нѣкакой Персидской Генераль тутъ подоспѣлъ <...>.* [Извѣстіе о житіи Турецкаго султана ... 1755]

На этом фоне неожиданной может показаться количественная тенденция, обнаруживаемая данными НКРЯ: по меньшей мере со второй половины XX в. растет частотность *некогда* в нефинитных контекстах – при причастии (3), именной группе (4) и группе прилагательного (5):

- (3) *Знаю я случай, некогда бывший в Серпуховском суде <...>.* [Известия, 17.01.2002]
- (4) *А наутро узнает, что у той есть маленький сын и отец-бомж, некогда великий программист.* [РБК Daily, 04.12.2007]
- (5) *Сегодня же работа по поддержанию некогда крепких деловых и культурных связей менее заметна.* [Известия, 03.02.2015]

По сравнению с нефинитными контекстами, в финитных, как в (6), частотность *некогда*, наоборот, сокращается. Так, в текстах конца XX-го – начала XXI в. из Основного и Газетного корпуса НКРЯ доля финитных контекстов составляет около 30%, против 60-70% в текстах первой и второй половины XIX в.

- (6) *Отель «Элафос» на горе Пророка Илии в южной части был некогда построен специально для Бенито Муссолини.* [lenta.ru, 18.05.2016]

Рост частотности неопределенного *некогда* в нефинитных контекстах мы объясняем тем, что в современном языке *некогда* выражает контрастное различие между «старой» ситуацией («тем, что было») и «новой» («тем, что стало»). Другими словами, *некогда* приобретает черты маркера изменения ситуации. Нефинитная конструкция удобна для выражения такого контраста, потому что и синтаксически устроена контрастно, противопоставляя фоновую ситуацию и главную.

Эта гипотеза подкрепляется сравнением *некогда* с близкими показателями: с одной стороны – местоимением *когда-то*, синонимом «старого» *некогда* в значении неопределенного местоимения, с другой стороны – собственно маркерами изменения ситуации *больше не* и *уже не* (см. о них Богуславский 1986). Ср. (7)-(9):

- (7) *Когда-то он был крепким, здоровым человеком <...>, а теперь с трудом держит палитру...* [Л. О. Пастернак. Записи разных лет (1943)]
- (8) *Длинная Гришкина шея, некогда крепкая, сильная, красивая, теперь была как ветка дерева.* [«Волга», 2016]
- (9) *Я больше не была крепкой девочкой, которая <...> съедала в соседней булочной сразу сто грамм соевых батончиков <...>.* [«Волга», 2010]

В докладе будет показано, что в нефинитных контекстах *некогда* сблизился с *больше не* и *уже не* – все три показателя указывают на то, что старая ситуация прекратилась – и отдалился от *когда-то*, который может употребляться и при сохранении старой ситуации. Вместе с тем, по некоторым другим свойствам *некогда* отличается от *больше не* и *уже не*. В своей совокупности это говорит о том, что в ряду смежных показателей *некогда* нашел свою функциональную нишу.

Таким образом, вопреки первому впечатлению рост частотности в нефинитных контекстах, засвидетельствованный для неопределенного *некогда*, не противоречит общей тенденции к сокращению числа неопределенных местоимений на *не-*. В нефинитных контекстах современное *некогда* фактически выступает уже не как неопределенное местоимение, а как маркер изменения ситуации.

Литература

- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Крысько В.Б., Кузнецов А.М., Пенькова Я.А. Местоимения. В.Б.Крысько (ред.), Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь, 172–189. М.: "Азбуковник", 2020.
- Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.
- Pen'kova Y., Rabus A. East Slavic indefinite pronouns: a corpus-based approach. *Russian Linguistics*, 2021 (45): 227–252. <https://doi.org/10.1007/s11185-021-09247-0>.

Рахилина Екатерина Владимировна
ИРЯ РАН
Симакина Анастасия Александровна
НИУ ВШЭ

Отрицательная полярность в императивных конструкциях

Доклад строится на материале БД Русский конструктивкон. Исследуется отрицание как триггер конструкционализации. В качестве примера описывается небольшая группа прохибитивных конструкций с неконтролируемыми глаголами.

Сайк Ольга Юрьевна

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Формы партитива в парадигме недавних заимствований

В докладе предпринимается попытка осветить статус форм партитива в парадигме заимствованных существительных, не полностью освоенных языковой системой и не вошедших в активную лексику русского языка. Предварительно заметим, что, несмотря на глубокую проработанность падежной грамматики русского языка, объём понятия партитива (иначе – второго родительного, количественно-отделительного падежа) всё ещё представляет собой дискуссионную область и варьируется в зависимости от принятой стратегии в процедуре выделения падежей: формальной или семантической. Так, в настоящем докладе принимается точка зрения, представленная в Грамматическом словаре А.А. Зализняка и ориентированная на наличие особого показателя – флексии *-у/-ю-*, допустимой в парадигме неодушевленных существительных мужского рода I субстантивного (или 2-го – по Академической грамматике) склонения.

Граммему партитива традиционно рассматривают как непродуктивную, а сами формы – как уходящие, имитирующие просторечную или диалектную речь (ср. «...many actual examples found in the texts sounds archaic or are imitations of dialectal speech» в [Daniel 2014: 348], стилистически отмеченные и вытесняемые соответствующими формами на *-а*. Кроме того, слова, допускающие образование форм на *-у/-ю-*, принято задавать списком, как то сделано, например, в [Зализняк 1967] или в РГ-80. На ограничения и запреты, связанные с образованием форм партитива, обращается внимание и в Русской корпусной грамматике: в частности, как недопустимое квалифицируется сочетание **стакан спрайту*.

В рамках данного исследования была поставлена задача изучить парадигмы недавних заимствований, допускающих формы партитива, а также сочетаемостные свойства и прагматику таких форм. Основная выборка была произведена среди слов, называющих еду и напитки (*раф, пуэр, бамбл, рамен, хумус* и др.), а также некоторые абстрактные понятия (*кринж*). Материалом исследования послужили данные корпусов русского языка (НКРЯ, ГИКРЯ), а также тексты интернет-форумов и каналов в соцсетях. Для сравнения стратегий употребления форм на *-у/-ю-* также привлекались поваренные книги XVIII–XIX вв.

Формы партитива у неологизмов тяготеют к глагольным контекстам. Как и в случае освоенных слов, наибольшей «предсказующей» силой для появления форм партитива у заимствований обладают контексты с глаголами интенсивно-результативного способа действия: часто такие глаголы имеют приставку *на-* (*напиться, натрескаться*), ср. примеры, найденные в Сети:

(1) *Напилась пуэру, опять думаю, что бы вам такое рассказать интересное.*

(2) *Спешить уже было некуда (утром надо было просто свернуться и загрузиться в автобус), поэтому экспедиционеры, отужинав и натрескавшись пуэру, стали безобразничать. В научном смысле!..*

(3) *Только что сняла [видео], кринжу навалила, пойду волосы выпрямлю.*

Употребление в контекстах с именным квантификатором, которые при лицензировании форм партитива представляются менее стабильными, чем контексты с глаголом, однако, допускаются некоторыми заимствованиями (*блин <стакан> пуэру; Купил себе литр спрайту*). Также в докладе выдвигается гипотеза об усилении

стабильности контекстов с именным квантификатором в случае препозиции зависимого существительного (*Мне Лёша сказал спрайту две баночки купить*). Кроме того, в сетевом общении снимаются ограничения на вид управляющего глагола, ср. примеры из ГИКРЯ, в которых форма *спрайту* сочетается с глаголами несовершенного вида: *Иду беру спрайту, пью; Жена сказала: «Желаю спрайту!»; Икают и «Спрайту» требуют.*

Говоря о прагматической нагрузке форм партитива, представляется важным учесть «фактор адресата». Тексты, в которых встречаются такие формы, написаны «своими» для «своих», ценителями для ценителей. В примере (4) обыгрывается название популярного бренда шу пуэра Лао Тун Чжи («Старый товарищ»), т.е. “меседж”, по мнению говорящего, сможет считать только тот, кто принадлежит чайной культуре, разбирается в терминологии и всех тонкостях заваривания чая и является ценителем. Использование партитивной формы в этом случае может выступать не только как показатель грамматической освоенности слова, но и как маркер принадлежности к «своей» социальной группе. Партитив, таким образом, становится показателем «обиходности».

(4) *Открыли блин шу пуэру Ча Шу Ван, что старый чайный товарищ прислал (кто в курсе за название, поймут каламбур)* (<https://teatips.ru>).

При этом примеры форм партитива у слов, которые называют модные напитки или блюда буквально являются единичными. Например, форма *рафу* встретилась только один раз – в неассертивном контексте, ср.:

(5) *Хочется только рафу, чтобы простуда прошла, с малиной.*

Тем не менее, существуют некоторые ограничения, касающиеся образования форм партитива у заимствованных существительных. Данные ограничения обусловлены как морфонологическими особенностями заимствований (например, избегание фонетической монотонности путём диссимиляции гласных), так и их семантикой. Например, названия брендов чая, функционирующие в речи как имена нарицательные, также, по всей видимости, не допускают форм на *-у/-ю-* ввиду того, что такие слова, во-первых, сохраняют выраженную «иноязычность» и содержат нетипичные для русского языка сочетания фонем и, во-вторых, указывают на конкретный вид чая – тогда как партитив тяготеет а) к «коротким» односложным словам и б) к словам, называющим вещество «вообще», а не его конкретную разновидность. Такие имена в диагностическом контексте партитива, как правило, употребляются в форме винительного или родительного падежа: *заварил дяньхуна; напившись лапсанг сушонга; выпейте луцзина, попить сяо чжун.*

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что не существует общего запрета на образование форм партитива в парадигме заимствованных существительных и представление о партитиве как о реликтовой форме как минимум нуждается в уточнении. С одной стороны, возможность образования формы партитива указывает на то, что слово «обосновалось» в языковой системе, что называемый им денотат закрепился в сфере, обиходной для говорящего, тоже стал «своим». С другой, формы на *-у/-ю-* могут выступать как сигнал общности опыта и включённости говорящего в дискурс конкретного сообщества.

Литература

Daniel, Michael. 2014. The second genitive in Russian. In Silvia Luraghi & Tuomas Huomo (eds.), Partitive cases and related categories (Empirical approaches to language typology 54), 347–378. Berlin & Boston: De Gruyter Mouton.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973.

Кустова Г. И. Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2011.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Симонова Вера Львовна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

**Наблюдения над грамматикализацией предложных образований с
существительным «понятие» и его синонимами**

1. Несколько слов о грамматикализации

В настоящее время процессы грамматикализации, происходящие в русском языке, активно обсуждаются учеными, периодически публикуются новые работы, посвященные, как обобщению этого явления, так и рассмотрению его частных случаев, например, диссертации Е. Н. Виноградовой, Чэнь Сюэцин, статьи М.В. Артеменко, Н.В. Новоспасской, А.А. Авагян, И.М. Кобозевой, Н.В. Сердобольской и др. Принято считать, что существует два подхода к пониманию грамматикализации: «узкий» К. Лемана и «широкий», предложенный Э. Трауготт. Например, К. Леман к примерам грамматикализации относит лишь простые предлоги и считает возможным обратный грамматикализации процесс – лексикализацию – в случае появления составных предлогов. Тогда как Э. Трауготт однозначно характеризует грамматикализацию, как однонаправленный процесс. Понимание грамматикализации в узком смысле ведет и к появлению понятия «прагматизация», что приводит, на наш взгляд, к усложнению терминологического аппарата исследования. Применительно к русскому языку больше подходит «широкий» подход, что в своей работе доказала Е.Н. Виноградова, исследуя русские предложные единицы. При таком взгляде на это явление прагматизация и лексикализация считаются подвидами грамматикализации. В нашем докладе мы тоже будем придерживаться именно такого взгляда на грамматикализацию, понимая под ней, согласно [Hopper, Traugott 2003: 17-18] «ветвь лингвистики с двумя ответвлениями: во-первых, грамматикализация - это исследовательская основа для изучения взаимосвязей между лексическим, конструкционным и грамматическим материалом в языке, диахронически и синхронно, как в конкретных языках, так и между языками, а, во-вторых, это термин, обозначающий изменение, при котором лексические единицы и конструкции в определенных лингвистических контекстах выполняют грамматические функции и, будучи грамматикализованными, продолжают развивать новые грамматические функции».⁹

Вспомним перечень механизмов грамматикализации по [Heine, Kuteva 2002], включающий процессы десемантизации, расширения употребления в новых контекстах, потери морфосинтаксических свойств или декатегоризации и фонетического упрощения.

По Т.С. Тихомировой [1972] критерием перехода одной части речи в другую является совокупность трёх факторов: лексико-семантического, т.е. потеря прежних и приобретение новых смыслов; морфологического, т.е. утрата морфологической парадигмы; синтаксического, т.е. разрушение синтагматических связей.

Схемы грамматикализации предложных единиц были предложены несколькими учеными, например, К. Брокельманом [Виноградова 2016: 26]:

Таблица 1

⁹⁹ «For us it is a two-pronged branch of linguistics: (i) a research framework for studying the relationships between lexical, constructional, and grammatical material in language, diachronically and synchronically, both in particular languages and cross-linguistically, and (ii) a term referring to the change whereby lexical items and constructions come in certain linguistic contexts to serve grammatical functions and, once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions»

грамматикализация	слабая \longrightarrow сильная			
стадия	1	2	3	4
категория	N_{rel}	предложное наречие ⁴	вторичный предлог	первичный предлог

Данные теоретические выкладки позволят в будущем судить о степени грамматикализации рассматриваемых в докладе выражений.

2. Эволюция лексического значения слова *понятие* и связанных с ним фразовых образований

Еще В.В. Веселитский в 1967 г. заметил, что современные значения слова *понятие* и предложные сочетания с ним имеют разное происхождение. Исходным, начальным значением *понятия* являлось «способность к рассуждению, пониманию», которое еще упоминается в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 томах) («то же, что понимание; разум, рассудок») с пометой «просторечное» [БАС 1960: Т.Х: 1255-1256], но не фиксируется и даже отвергается современными лексикографами.

В языке первых десятилетий XVIII века и вплоть до середины XIX века *понятие* (*поятие*) означало в первую очередь «**понимание, усвоение**» (от глагола *по(н)яти* – понять, постигнуть), что зафиксировано в ряде словарей того времени (см. Даль, «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный»):

Однакож, всемилостивейшая государыня, весьма еще нужное вижу, как и его величество при отъезде моем милостивно изволил рассуждать, чтоб мне саксонския заводы для лучшего *поятия* и рассуждения осмотреть, к которому из Шоны мне проехать весьма способно. [В. Н. Татищев. Екатерине I (1725)]

Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых, во-первых, суть главные душевные дарования: *понятие*, память, соображение, рассуждение, произволение. [М. В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию (1747)]

Интересно, что в стилистически окрашенных, разговорных, чаще атрибутивных сочетаниях *с понятием, без понятия* в определенных контекстах сохраняется изначальное значение. Так, [[Большой универсальный словарь русского языка](#)] фиксирует:

Без понятия *прост.* – а) кто-л. – о том, кто ничего не понимает, не способен понять.
□ Что-то ты сегодня совсем без понятия, не выпался что-ли или после праздника никак не отойдешь?

С понятием *с оттенком прост.* – а) кто-л. – об умном, знающем, толковом человеке; б) (что-л. делать, что-л. делается) – с умом, с пониманием дела.

В [[Большой толковый словарь русского языка](#)] находим:

С понятием кто-л. (разг.; знающий, толковый). *С понятием* делается что-л. (разг.; умно, со знанием дела). *Без понятия* кто-л. (разг.; ничего не понимает)

Исходное значение угасало тем быстрее, чем шире распространялось новое, вошедшее в обиход в середине XVIII века. Это значение - **представление, мысль**. Расширение семантики *понятия*, вероятно, было связано с характерным для того времени явлением увеличения объема книжного языка, его терминологического аппарата, способного соответствовать Эпохе Просвещения. Одновременно в этом значении использовались слова *идея, мнение, знание*. Ср.:

О котором признан он, что имеет в тех науках **знание** отчасти и охоту. [Выписка из оружейной палаты по челобитной В. Киприанова о продаже ему лавки в Покромном ряду (1704)]

Чего для **мнение** имели, дабы оной неприятель чрез реку Эндер внезапно не перебрался. [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698-1721)]

И бывает то часто у простых людей **мнение**, яко звезды с небеси падают, что наипаче бывает в зиме при морозах, в вечер, когда ясное небо мнится зрению человеческому, яко звезды с небес падают на землю, то только **мнение** такое, а по самой истине не так есть. [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700-1722)]

Некоторые високосный год почитают за несчастливый, и для того ту скотину или птицу, которая в тот год родится, не вскармливают, но оно **мнение** ложно. [М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод) (1747)]

Мнѣ кажется, что **идея** челоѵка достойнаго содержать въ себѣ еще нѣчто больше. [Разговоръ о должностяхъ челоѵка // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года, 1755]

Сколько **идея** отечества и короля здесь твердо в сердца вкоренена, столь много изгнано из сердец всякое сострадание к своему ближнему. [Д. И. Фонвизин. Письма родным (1777-1778)]

Науки подают ясное о вещах **понятіе** и открывают потаенные действий и свойств причины; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют. [М. В. Ломоносов. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии Наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым (1751)]

Наш язык весьма сему подвержен, когда поэзию называет стихотворением, хотя, впрочем, прямое **понятіе** о поэзии есть не то, чтоб стихи составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать. [В. К. Тредиаковский. Мнение о начале поэзии и стихов вообще (1752)]

Ярко синонимичность прослеживается в конструкциях с предлогом *о*:

У меня теперь составилаь, кажется, отчетливая **идея о** Вас, но, увы, с какими недостатками! [И. А. Гончаров. Письма (1842-1859)]

Тогда начал я подробно разбирать все мои мнения и каждое мое понятие сравнивать с вечным **понятіем** о правоте и истине. [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)]

Начало премудрости — разумети Господа. Если кто не знает Господа, подобен узникам, поверженным в темницу. Таков что может понять во тме? Главнейший и началнейший премудрости пункт есть **знание о** Бозе. Не вижу его, но знаю и верую, что он есть. А если верую, тогда и боюсь; боюсь, чтоб не разгневать его; ищу, что такое благоугодно ему. Вот любов! [Григорий Сковорода. Наркисс (1760-1769)]

Христиане в Руси. Языческое **мнение о** вечности - Мы от рода рускаго послы и гости Игоревы, великого князя рускаго, и общии послы: Фуеваст Святослава, сына Игорева; и Ольги, княгини Игоревы, слуга Нетий; и Улебов Владислав; [В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1750)]

Таким образом, для себя отметим, что эти четыре слова – *понятіе, мнение, идея, знание* – в XVIII веке были взаимозаменяемыми в значении «представление, мысль».

В настоящее время полностью сохраняют это значение и остаются синонимичными только *понятіе* и *идея*. В значении слова *мнение* взяла верх семантическая окраска субъективизма, которая прослеживается и в примерах из XVIII века, оно стало синонимом слова *взгляд, точки зрения*:

На прошедшей почте объявил я вам **мое мнение о** изтолковании в календаре затмненной солнца и луны, которые хотя для знания весьма нужны, но еще между многими о том толковании не изъяснены. [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1748)]

Ваше сиятельство сделаете мне особливую милость, если удостоите меня узнать **ваше мнение о** сем распоряжении. [Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1763-1774)]

Слово же *знание* стало синонимом *осведомленности, совокупности сведений* (см. [Большой толковый словарь русского языка](#), [Большой универсальный словарь русского языка](#)).

3. Анализ списков ПЕ, словарей и справочников на предмет содержания предложных образований с данными существительными

Интересно провести анализ предложных конструкций со словами *понятие, мнение, знание, идея* и посмотреть, как современные русисты трактуют их частеречную и функциональную принадлежность.

Сравним конструкции с предлогом *по*:

по мнению (кого-то) однозначно определяется лингвистами как вводное словосочетание (которое стало таким еще, по-видимому, в XVIII веке), однако, без указания частеречной принадлежности [ПАС, РГ-80, Рогожникова 2003]. Как отмечает [Виноградова 2025: 113] «вводные конструкции с обязательным распространителем представляют собой периферию прагматизированных конструкций и могут рассматриваться также как лексикализованные или грамматикализованные <предложные> единицы, ср.: *по выражению, по данным, по заключению, по мнению, по предложениям, по предположению, по (чьим-н) расчетам, по сведениям, по свидетельству, по словам, по сообщению*». Е. Н. Виноградова относит такую авторизационную конструкцию, как *по мнению*, к единицам внечастеречной полифункциональности, которые наряду с единицами внутривчастеречной полифункциональности входят в полифункциональные предложные единицы [Там же: 226, 422]. В НКРЯ *по мнению* отмечен как предложный оборот.

Предложная конструкция *по идее* тоже по-разному классифицируется в справочниках. Так, видимо следуя традициям М.В. Ломоносова, [Бурцева 2010] характеризует ее как наречие, [[Большой толковый словарь русского языка](#)] - «в значении наречия». [[Большой универсальный словарь русского языка](#)] приводит толкование этого выражения за ромбом, без обособления знаками препинания, что склоняет нас предположить, что авторы словаря толкуют его тоже как наречие:

По идее – а) по замыслу, как задумано, по природе. □ По идее здание должно было быть пятиэтажным, но в последний момент проект изменили; б) *разг.* как можно предположить исходя из прошлого опыта, из общих соображений. □ Вечером Аня будет дома? – По идее должна быть, а там кто её знает.

При этом в НКРЯ встречается множество примеров, в которых *по идее* выступает в функции вводного выражения. Мы нашли более 100 вхождений в корпус с *по идее* без распространителя в такой функции. Анализ этих примеров показал, что выделять *по идее* как вводное выражение начали с 10-х гг. XX века. Н.В. Устрялов взял его в кавычки, видимо, как новое модное словосочетание. А с середины XX века вводное *по идее* окончательно вошло в обиход. На наш взгляд – это пример грамматикализации.

С. И. Зимин осуществил очень симпатичное, *по идее*, предприятие — кинематограф научно-образовательного характера для молодежи. [Экран (10.09.1916) // газета «Вечерний курьер» (Москва), 1916]

Таким образом, «*по идее*», вся армия должна приобщаться через столичных лекторов свету знаний и политического воспитания. [Н. В. Устрялов. Революционный фронт // «Народоправство», 1917]

Со слов Денисова можно сказать — были, ибо он открыто заявил мне, что лично неоднократно виделся с Пуанкаре и обсуждал с ним вопросы так называемой экономической интервенции, которая, *по идее*, должна была носить международный характер. [С. Н. Третьяков. Из докладных записок в ОГПУ (1929)]

По идее, государство должно регулировать политику отношения к детям, субсидировать программы, направленные на изменения существующей ситуации. [Северная сказка // «Экран и сцена», 2004.05.06]

По идее, частные компании должны пройти строгий отбор. [Вероника Сивкова. На что тратит деньги Пенсионный фонд // «Аргументы и факты», 2003.06.04]

По идее, человек, восхитившийся Аньес Летестю в «Лебедином озере», должен облить негодованием Владимира Малахова в «Манон». [Чемпионат по боям без правил // «Культура», 2002.04.01]

По идее, я сейчас сижу в кабинете и работаю и спать там же лягу на диване. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)]

Стоит отметить, что современные филологи обратили внимание на эту функцию *по идее*. Так, в «Справочнике по пунктуации» В. М. Пахомова, В. В. Свинцова, И. В. Филатовой, опубликованном на портале «Грамота.ру» оно квалифицируется как вводное слово, значит, должно обособляться. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время нет единого взгляда на функционирование этого предложного выражения в русском языке.

По идее с распространителем (актантом - источником информации) встречается в русской литературе, начиная со 2-й половины XIX века:

Человек весь поглощался государством и его судьбами *по идее* новых историков литературы, бедственный исторический период непреложно вел за собою печальные явления в словесности. [А. В. Дружинин. «Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова (1858)]

Мне, конечно, было известно, что *по идее* Юлии Михайловны предположено было устроить бал самый демократический, «не отказывая даже и мещанам, если бы случилось, что кто-нибудь из таковых внесет за билет». [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]

И оно приобретает функции вводного выражения уже в языке Ф.М. Достоевского и даже раньше, а к концу XX века окончательно переходит в разряд вводных. При этом, подчеркнем, это не фиксируется современными словарями и справочниками.

Вот еще мелочь, которая высказывает многое: горничная Дарья одета в платье чистенько и ведет себя прилично, а между тем, *по идее Островского*, это должна быть добрая, но шумливая, растрепанная служанка плаксивой барыни, преданная и вечно бранчивая, вечно недовольная и сердитая. [А. В. Дружинин. Дневник (1853)]

По идее мужика, школьника порют и должны пороть: что, дескать, за школьник, если его не порют? и вдруг я скажу ему, что у нас не порют, ведь он этим огорчится. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Бурное экономическое продвижение России на Восток (начатое *по идее Витте* строительство Порт-Артура и порта Дальний, Китайско-Восточной и Южно-Китайской железных дорог, проникновение в Маньчжурию) обострило русско-британские противоречия, подтолкнуло к войне с Японией. [Георгий Елин. Фиаско тайного советника (2004) // «Вокруг света», 15.06.2004]

По идее Кириченко, европейская архитектура, ориентированная на классику, изображала (начиная с Возрождения) классическую логику и тектонику на фасаде здания. [Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002)]

По идее Мейерхольда, новый театр должен быть прежде всего театром синтетическим: [Юрий Елагин. Темный гений (1998)]

На наш взгляд, перед нами примеры грамматикализации предложных конструкций. В своей диссертации [Чэнь Сюэцин 2024: 183] делает заключение, что *по идее* имеет потенциал стать ПЕ. И невозможно не согласиться с Е.Н. Виноградовой, призывающей «подобные вводные употребления с валентностью на источник информации <...> отмечать отдельно, особенно в активных словарях: целесообразно различать собственно вводные слова (по крайней мере, по видимости) и вводные слова с распространителями (по данным чего?, по определению кого?), при этом важно, что валентность на источник информации может быть синтаксически облигаторной (по данным чего?, по свидетельству кого?) и синтаксически факультативной (по определению (кого?), по идее (кого?))» [Виноградова 2025:].

Анализируя контекст использования *по идее* (с и без распространителя) в НКРЯ и соответствующие словарные статьи, мы невольно расширили поле неоднозначно

трактуемых или даже выпущенных из виду предложных конструкций синонимичными *по задумке, по замыслу*.

Задумка встречается в текстах с начала XX века, хотя В.И. Даль упоминает это существительное в статье *задумывать* [Даль: Т.1: 575]. Но, видимо, это существительное изменило своё лексическое значение. Сравните:

А у меня, кормилец, все как-то сердце болело; с половины, кажись, лета, али с Успенков, стала я примечать, что с моей девкой что-то не то: все словно *в задумке*, из себя тоже худеет. [А. Ф. Писемский. Леший (1853)]

Здесь *задумка* синоним *задумчивости, размышления, меланхолии*.

И чуть вспомню, что во всем мы были вместе и все я тебе в жизни *без задумки* отдавал, а эту вроде бы недодал, так и взмутит всего меня, так и вскинет как на дыбку. [Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927|1959)]

А здесь *без задумки* равно *без раздумий*.

В [БТС, БАС] *задумка* приводится с пометой «разговорное» в значении «намерение, желание» (что скорее соответствует выражению *по задумке*). Но уже «Толковый словарь русской разговорной речи» истолковывает его как «идея, план, замысел», что ближе к современному значению слова.

Нет, не сюжет. *Задумка*. Рассказать можете? [А. А. Крон. Моя анкета (1961)]

6 основных типов цветников. Практика: Воплощение дизайнерских *задумок* на бумаге. Садовые конструкции [М. В. Богданова. Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа естественнонаучной направленности «Мир цветов» (2017)]

Не удивительно, что предложных сочетаний с этим существительным мы в словарях и справочниках не находим.

По задумке только набирает распространение в русской речи. Первые примеры в НКРЯ датированы 70-ми гг. XX века. Большая часть примеров приходится на начало XXI века, и сейчас это слово активно используется в том числе и в научном стиле изложения. Так, например, на сайте «Киберленинка» мы нашли более 2800 упоминаний *задумки* в научных статьях, начиная с 2022 года. Поэтому с уверенностью можно сказать, что помета «разговорное» применительно к *задумке* не соответствует действительности.

Учитывая «молодой возраст» *по задумке*, тем интереснее проанализировать, как эта предложная конструкция, аналогичная более «древним» *по идее, по замыслу*, начала функционировать в русском языке. И здесь мы вновь сталкиваемся с уже упомянутыми выше проблемами классификации подобных выражений: словарями и справочниками не уточнен статус словосочетания, и, соответственно, как и с *по идее, по замыслу*, не выработана единая пунктуационная стратегия.

Просто уж *по задумке*, смешивая замысел с предчувствием, я почему-то верил и ждал её, как неизбежности. [А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)]

По задумке Бусыгина, конференция должна была продемонстрировать небывалое единение краснопролетарского лидера с широкими народными массами. [Ю. М. Поляков. Апофегей // «Юность», 1989, № 5, 1989]

А мы, *по задумке* Тихонова, демонстрировали, что уже работаем, уже готовимся к следующему сражению. [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)]

По задумке мне полагалось показать, что я итальянский мальчик. [Наталья Бестемьянова, Игорь Бобрин, Андрей Букин. Пара, в которой трое (2000-2001)]

Вокруг меня кружилось семь мужиков, и они надо мной *по задумке* постановщика смеялись. [Наталья Бестемьянова, Игорь Бобрин, Андрей Букин. Пара, в которой трое (2000-2001)]

По задумке утопленник должен был пролежать на дне хотя бы до начала осени, пока тело не обглодают рыбы. [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)]

Из 62 примеров, предложенных НКРЯ, в 49 (79%) случаях *по задумке* употребляется с распространителем и в 13 (20%) - без распространителя. В большинстве случаев авторы относят *по задумке* к вводным (42 (68%)), соответственно оформляя его на письме, но

существует и «обратная» пунктуация. На наш взгляд, это связано с тем, что в справочной литературе в соответствующей главе нет этого выражения.

Кажется, что процесс грамматикализации не затронул словосочетание *по замыслу* без распространителей так, как это произошло с *по идее*, *по задумке*, *по понятиям*.

Интрига комедии г. Островского — совершенство *по замыслу* и по блеску исполнения. [А. В. Дружинин. Сочинения А. Островского (1859)]

Вы имеете в нем полную картину внутреннего развития преступления, сложного *по замыслу*, страшного по выполнению, — от самого зарождения мысли о нем до пролития крови, которым заключился ее роковой рост. [А. Ф. Кони. Федор Михайлович Достоевский (1881)]

Мастер вначале вырезает общие очертания звеньев, а затем аккуратно удаляет материал в том месте, где *по замыслу* звенья сплетаются. [Михаил Левицкий. Карнавал молекул (2019)]

Неплохие *по замыслу* системы «Доктор-20» имеют низкую надежность и проблемы с техническим обслуживанием. [Совершенствуем технологию ремонта локомотивов // «Локомотив», 2001.06.28]

Колебания в определении грамматического статуса наблюдаются и с *по замыслу* с распространителем, но в последние десятилетия его трактуют в основном как вводное словосочетание:

По замыслу Тургенева, главнымъ эпизодомъ повѣсти, тѣмъ эпизодомъ, который долженъ былъ составлять собою какъ бы ключъ къ уразумѣнію всей личности Рудина, считается исторія любви Дмитрія Николаевича къ Натальѣ Ласунской. [А. В. Дружинин. «Повести и рассказы И. Тургенева» (1857)]

Одним словом, *по замыслу* художника картина его должна была служить фронтисписом, увертюрою великого начинавшегося действия. [Н. Я. Данилевский. Россия и Европа (1869)]

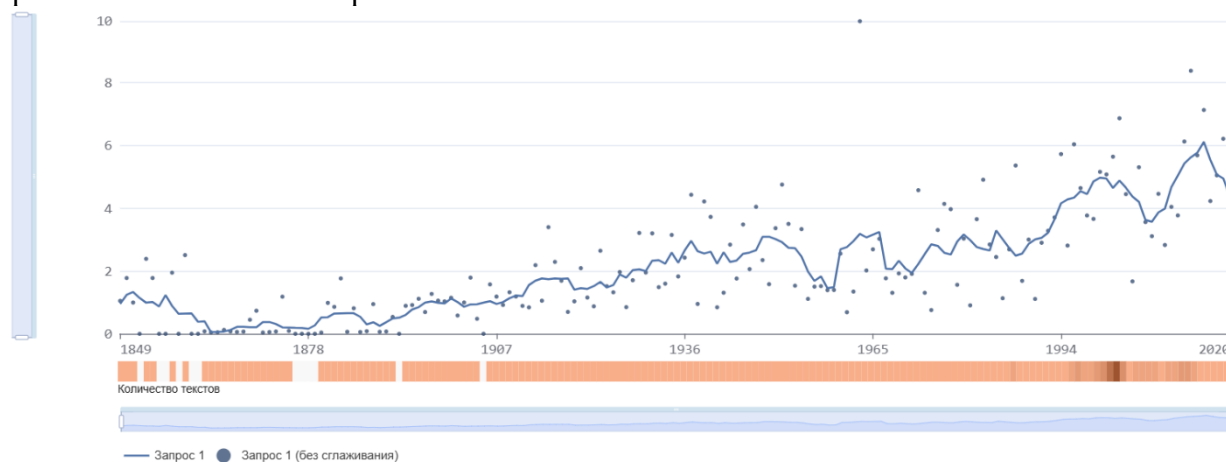
И иногда, в тех местах романа, где, *по замыслу* госпожи Гей, нужно бы было смеяться, горькие слезы душат мне горло. [В. М. Гаршин. Надежда Николаевна (1885)]

Герой поэмы, очерченный слишком поверхностно, *по замыслу* Пушкина должен быть представителем западного просвещения. [Д. С. Мережковский. Пушкин (1896)]

Наверное, *по замыслу* постановщика спектакля, пудель мутировал и превратился в овчарку. [Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019]

По замыслу режиссёра, герой должен не застрелиться, а убить себя кинжалом. [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015]

Интересно отметить, что, как и *по задумке+*, *по замыслу+* тоже активнее стало употребляться в письменной речи:

Если выражение *по понятиям* без распространителя классифицируется в основном как наречие (Е.Н. Виноградова относит его к конструкциям в функции наречия, выражающим квалификативные отношения, [Академический словарь 2014] и [Тезаурус русских идиом])

маркируют как наречие), то выражения с распространителем *по понятию/ понятиям (кого-то)* еще никем пристально не рассматривались.

В [ПАС] *по понятию (чьему)* входит в перечень вводных сочетаний слов, заключающих в себе указание на источник сообщения.

Таким образом, проведя небольшое макродиакроническое исследование (в рамках трёх с половиной веков), мы пришли к выводу, что у русистов отсутствует единый подход к вопросу о частеречной принадлежности и функционированию синонимичных предложных конструкций *по мнению, по задумке, по замыслу, по идее, по понятию* и др., рассмотренных в этом докладе. Выявлены лакуны в толковании некоторых выражений (*по задумке*). При этом налицо грамматикализация этих предложных конструкций в русской речи, т.е. превращение лексических единиц в грамматические. Кажется, что такие конструкции должны быть более тщательно зафиксированы современными словарями и справочниками по русской грамматике, и русистам необходимо прийти к единообразному толкованию этих предложных выражений.

Юлия В. Сеницына

МГУ имени М. В. Ломоносова / ГИРЯ им. А. С. Пушкина

Варьирование краткой формы и инструменталиса полной формы в адъективных сказуемых в конструкциях с субъектным контролем (экспериментальное исследование)¹⁰

Доклад посвящен исследованию вариативности формы адъективного сказуемого в конструкциях с субъектным контролем (ср. *я хочу быть счастливым / счастлив*). Насколько нам известно, вопрос о различии в приемлемости двух форм адъективного сказуемого не рассматривался ранее. Предварительное корпусное исследование на материале НКРЯ показало, что исследуемый тип конструкций с краткой формой прилагательного встречается в несколько раз реже, чем аналогичных конструкций с полной формой. Сформулированная на основании этого гипотеза о более низких оценках конструкций с краткими прилагательными была проверена экспериментально: были проанализированы данные от 62 носителей русского языка с помощью линейных смешанных моделей. В качестве независимых переменных были выбраны форма прилагательного и наличие у прилагательных зависимых (ср. *Олеся ведет блог на английском языке, потому что она хочет быть известной / известна [во всем мире]*). В результате анализа гипотеза о меньшей приемлемости кратких форм прилагательных была подтверждена частично: важным оказалось взаимодействие формы прилагательного и наличие у прилагательного зависимого.

Татевосов Сергей Георгиевич

МГУ имени М. В. Ломоносова

Русский средний

¹⁰ Исследование поддержано грантом РНФ № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина.

Предмет доклада — возвратные глаголы в характеризующе-качественном значении (АГ 1980) (Книга легко читается), известные также как «модальные квазипассивные рефлексивные глаголы» (Князев 2007). В англоязычной типологической литературе этот класс глаголов / глагольных форм обозначается термином *the middle*, «средний залог», который для краткости использован в названии доклада. В докладе будет представлено несколько наблюдений об акциональных и аспектуальных характеристиках рассматриваемых глаголов, их актантной структуре, модальном компоненте их значения и лексических ограничениях на их образование.

Тестелец Яков Георгиевич
Ин-т языкознания РАН, РГГУ
Калякин Иван Викторович
Ин-т языкознания РАН, РГГУ

Свой и чужой: анафора и не только

Поссесивное рефлексивное местоимение *свой* в «несобственно притяжательных значениях» (по Е.В. Падучевой) проявляет свойства неориентированного анафора – то есть лишено субъектной или какой-либо иной структурной ориентации, однако характеризуются требованием локальности antecedента. Дистрибутивное *свой* требует наличия antecedента в виде выражения, содержащего ключевой квантор. Прилагательное *чужой* может употребляться анафорически и при этом проявляет свойства логофора – местоимения, ориентированного на речевой или ментальный субъект.

Урысон Елена Владимировна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

Еще раз о специфике русского глагольного вида

В работе приводятся ранее не обсуждавшиеся аргументы в пользу того, что глагольная категория в русском языке является словоизменительной, т.е. видовая пара – это не два разных глагола, а две разные формы одного глагола. (Единицей описания в работе является глагол в его конкретном значении, т.е. лексема в понимании московской семантической школы.) Обсуждается общая схема значения глагольной лексемы.

Урысон Елена Владимировна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова
Ролдугина Полина Дмитриевна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова

Об актантной структуре наречий

Объект исследования – наречия и близкие им единицы, которые в академической грамматике [Русская грамматика 1980; Виноградов 2001] рассматриваются как наречные предлоги (ср. *вокруг, навстречу, рядом с* и т.п.).

С точки зрения семантики большинство наречий представляют собой одноактантные предикаты, ср. ‘быстро’ → ‘бежать’; однако на синтаксическом уровне наречие подчиняется выражению своего семантического актанта (обычно – глаголу), ср. *быстро* ← *бежать*. Но существуют и наречия, которые имеют более одного семантического актанта: например, наречие *потом*, ср. *Мы увидели молнию, и потом раздался гром*. На семантическом уровне:

‘Y’² ← ‘потом’ →¹ ‘X’.

На синтаксическом уровне *потом* подчиняется выражению своего первого семантического актанта, т.е. X. Что касается его второго семантического актанта, то его выражение (Y) вообще не связано с наречием *потом* синтаксически.

В докладе выделяется класс наречий, которые имеют более одного семантического актанта; рассматривается, как выражается синтаксически второй семантический актант наречия, и обосновывается то, что класс наречий с этой точки зрения неоднороден.

Холодилова Мария Александровна

ИЛИ РАН / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Грамматические проявления лексикализации сочетания отрицательной частицы и глагола в русском языке

В ряде случаев частица *не* при глагольной основе семантически отклоняется от ожидаемого значения. Это верно не только для зафиксированных в словаре лексикализованных единиц, таких как *ненавидеть, немочься*, но и для ряда сочетаний с контрарным, а не контрастивным прочтением, таких как *не любить* в значении ‘относиться отрицательно’. По всей видимости, даже в наиболее лексикализованных случаях частица *не* не теряет полностью своих грамматических свойств. Так, при отрицании глагола *ненавидеть* (*не ненавидеть*) использование генитива избегается, при том что у близкого по значению глагола *презирать* оно встречается, — иными словами, наличие частицы *не* в глаголе *ненавидеть* не позволяет другому отрицанию проявлять свои обычные свойства в клаузе. Менее лексикализованные сочетания, такие как *не любить*, в большей степени приближены к свободному сочетанию отрицательной частицы и глагола, однако демонстрируют некоторые синтаксические свойства лексикализации, такие как более свободное использование частицы *да* в качестве положительного ответа на вопрос, содержащий отрицание.

Хомченкова Ирина Андреевна

Институт языкознания РАН / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
/ МГУ имени М. В. Ломоносова

Соединение клауз с помощью аддитивной частицы *но* в татышлинском говоре удмуртского языка¹¹

¹¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285-П, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

Настоящая работа посвящена конструкциям, в которых аддитивная частица *no* ‘и, тоже, даже’ используется для соединения клауз в татышлинском говоре удмуртского языка (< ПЕРМСКИЕ < ФИННО-УГОРСКИЕ).

Татышлинский говор принадлежит к группе закамских говоров удмуртского языка и относится к периферийно-южному диалекту южного наречия [Кельмаков 1998]. В результате активных контактов с тюркскими идиомами он демонстрирует серьезные отличия от прочих удмуртских говоров. Наиболее детальное его описание доступно в [Baidoullina 2003]. Свойства конструкций с частицей *no* в татышлинском удмуртском ранее не анализировались.

Материал собран методом анкетирования носителей в Татышлинском районе Республики Башкортостан в д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы в 2021–2022 и 2024–2025 гг. Также привлекались данные корпуса татышлинского удмуртского¹² (КТУ), насчитывающего ок. 84,4 тыс. словоупотреблений.

В татышлинском удмуртском преимущественно используется порядок слов SOV. Как правило, при соединении клауз частица *no* располагается после глагола на последнем месте, см. первое вхождение *no* в (1). В [ГСУЯ 1974: 11] такие конструкции рассматриваются как сложносочиненные. Однако встречаются примеры, где глагол не занимает последнюю позицию. В таких случаях частица *no*, во-первых, может следовать за глаголом и тем самым не находиться между двумя соединяемыми клаузами, см. второе вхождение *no* в (1); во-вторых, она может располагаться на границе двух клауз, в отрыве от глагола (2).

- (1) *Val vâl-e puks'-e no, šukk-e no val-ez,*
лошадь верх-ILL сесть-PRS.3SG ADD ударить-PRS.3SG ADD лошадь-ACC
val tetč'a-t-is'kâ-sa košk-e.
лошадь прыгать-CAUS-DETR-CVB уйти-PRS.3SG
‘На лошадь садится и бьет лошадь, и лошадь несется.’
[КТУ: AZA-13082022_VO_balda-i-chort]

- (2) *Pučâ pum-a-zâ pon-il'l'a-m kôl'ä no,*
верба конец-ILL/LOC-POSS.3PL положить-2/3PL-PST2 камень ADD
so kôl'i-jen žugâ-kâ-zâ nâlpî vi-il'l'a-m.
тот камень-INS бить-CVB.SIM-POSS.3PL ребенок убить-2/3PL-PST2
‘На конец вербного прутика привязали камень, этим камнем убили ребенка.’
[КТУ: GLZ-02082023_EK_MW_verba]

В корпусе встретились примеры с «гнездованием» (3), где одна из клауз вложена внутрь другой, что невозможно при сочинении [Зализняк, Падучева 1975; Haspelmath 1995]. Таким образом, при соединении глагольных групп и клауз частица *no* демонстрирует подчинительные свойства. Некоторые подчинительные свойства у конструкций с *no* отмечены также в бесермянском удмуртском [Arkhangelskiy et al. 2026: 662].

- (3) *Vâž-ez, ôžät ekt-is'ko-m no, eššo tuzon-en= tuzon-ze*
пол-ACC немного танцевать-PRS-1PL ADD еще пыль-INS пыль-POSS.3SG-ACC
bâdtâ-sa ven'âg-en, vü-en paz'â-s'ko-m val.
закончить-CVB веник-INS вода-INS брызгать-PRS-1PL быть.PST
‘Пол, после того как немного потанцую, еще чтобы не было пыли, обрызгивали веником с водой.’ [КТУ: МИК-04082022_MW_marijcy-v-klube]

¹² URL: <https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

Употребление аддитивных частиц в подчинительной функции с финитной формой не упоминается в работе [Forker 2016] и, по-видимому, не является типологически распространенной моделью. Вместе с тем подчинительные свойства у аддитивной частицы были отмечены в одном из других финно-угорских языков — горномарийском [Хомченкова 2018].

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; CVB.SIM — деепричастие одновременности; DETR — детранзитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- ГСУЯ 1974 — В. М. Вахрушев, В. Н. Захаров, Л. И. Калинина (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974.
- Зализняк, Падучева 1975 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. 1975, 6. С. 59–107.
- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1998.
- Хомченкова 2018 — И. А. Хомченкова. Частица =at в горномарийском языке: синтаксис и семантика // Кс. П. Семёнова (ред.). «Малые языки в большой лингвистике». Сборник трудов конференции 2017. М.: Буки Веди, 2018. С. 210–216.
- Arkhangelskiy et al. 2026 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva, M. Cheremisinova. A Grammar of Beserman. Vol. 2. Leiden/Boston: Brill, 2026.
- Baidoullina 2003 — А. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.
- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers // Lingua. 2016, 180. P. 69–100.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–56.

Циммерлинг Антон Владимирович
Институт языкознания РАН
fagraey64@hotmail.com

Логическая форма и грамматика¹³

На примере двух фрагментов русской грамматики — дистрибуции модусов отрицания и дативно-инфинитивных предложений без внешней синтаксической вершины

¹³ Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование языков мира и языковых ареалов: типологические, корпусные и полевые данные, FMNE-2025-0006», поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

— обсуждается соотношение логической формы и грамматики предложения и роль принципа композициональности. Таксономия четырех типов отрицания Е. В. Падучевой эксплицитно исходит из отсутствия гомоморфизма между семантикой и синтаксисом, но неявно вводит в рассмотрение коммуникативные факторы — реализацию категорий верификации и контраста, которые всегда маркируются внешне. Наличие верификативной или контрастивной или событийной семантики позволяет уточнить вклад отрицания в семантическое представление. Независимые дативно-инфинитивные предложения используют неверификативное общее отрицание, поэтому порядок слов AUX NEG INF, ср. *X-у было не достать*, предсказуем. Отрицательные и неотрицательные предложения этого класса соответствуют трем модусам алетической модальности — внешней необходимости, внешней невозможности и контингентности. Выбор любого из них обеспечивается взаимодействием категорий наклонения, вида, времени и полярности высказывания и отражает способ упорядочения этих категорий в структуре предложения. Логическая форма независимых дативно-инфинитивных предложений содержит внешне невыраженный оператор сильной модальности: выражение слабой модальности (возможности) не допускается.

Грамматические процессы и системы в диахронии

А. Н. Антонова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

alex.a Antonova96@yandex.ru

Глагольное согласование при числовых сочетаниях по данным древнерусских и старорусских летописных памятников

Для древнерусского и старорусского синтаксиса возможны следующие типы глагольного согласования при числовом сочетании:

1) сказуемое может согласовываться по ж.р. в соответствии с первоначальным грамматическим статусом числительных 5–9 в ед.ч. ж.р. и с распространением такого согласования на прочие числовые сочетания [Зализняк 2004: 168];

2) с числовыми группами типа «2+сущ.» сказуемое может быть употреблено в дв.ч.;

3) согласование во мн.ч.;

4) согласование в ед.ч. ср.р. — изначально конструкции со ср.р. ед.ч., согласно [Супрун 1969: 173–174], имели безличный характер.

Материалы древнерусских летописей отражают зависимость формы сказуемого от синтаксического устройства числового сочетания. При сочетаниях с числительными малого количества (2, 3, 4), в которых исконно, до утраты дв. числа, числительное выступало в роли определения и согласовывалось с существительным [Борковский, Кузнецов 2006: 239; Жолобов 2006: 86–101], сказуемое также согласовывалось с существительным по числу. При числовых сочетаниях с управлением РП мн. ч. суш. (типа *пять столов*) в предложениях с семантикой неконтролируемого действия характерна форма ед. ч. ср. р. сказуемого.

В старорусский период сохраняется и получает дальнейшее развитие семантический принцип распределения форм сказуемого при числовых сочетаниях. В ряде старорусских летописей обнаруживается устойчивая тенденция к семантическому распределению форм ед.ч. ср.р. / мн. ч. сказуемого при числовых сочетаниях: предикаты, описывающие контролируемые ситуации (ситуации, характеризующиеся признаком активности, или агентивности субъекта предикации [Булыгина, Шмелёв 1997: 97]), согласуются с числовым сочетанием во мн.ч., в предложениях с семантикой неконтролируемого действия сказуемое употребляется в форме ед.ч. ср.р.

Литература

- Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
Жолобов О. Ф. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.

Е. В. Буденная

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

jane.sdrv@gmail.com

Гипокористические антропонимы на -ец в древнерусском языке: семантика, прагматика и социальная динамика (XI–XVII вв.)

Введение. Древнерусские тексты демонстрируют богатый инвентарь гипокористических антропонимов, среди которых продуктивный суффикс *-ец* (др.-рус. *-ьць*) занимает особое место. Его статус в научной литературе остаётся дискуссионным: одни исследователи квалифицируют его как пейоративный [Ивакин 1901; Селищев 2003], другие не находят в его употреблении устойчивой негативной окрашенности [Литвина, Успенский 2006]. Цель доклада – выявить факторы, определявшие выбор антропонимов на *-ец* в древне- и старорусском языке на протяжении XI–XVII вв., а также проследить эволюцию их семантики и прагматики. Материалом исследования послужили летописи, берестяные грамоты, эпиграфика, Полоцкие грамоты XV–XVI вв., а также официально-деловые документы Московской Руси (по Национальному корпусу русского языка).

Эволюция семантики и прагматики форм на -ец в XI–XVII вв. Исторически суффикс *-ец* восходит к праслав. **-ьс-* со значением ‘меньше, чем X’ [Варбот 1984]. Типологически переход от ‘малого’ к отрицательной оценке и низкому статусу является универсальным [Jurafsky 1996]. Применительно к исследовательским данным возникает вопрос, обладает ли суффикс *-ец* ингерентной пейоративностью или же пейоративность

является адгерентной. Анализ показывает, что основания для ингерентной пейоративности отсутствуют, тогда как адгерентная прослеживается отчётливо.

В летописях XI–XV вв. выделяются два типа употребления антропонимов на *-ец*. Первый включает персонажей с очевидной негативной авторской оценкой (убийцы *Нерадец, Талец*; «*лживый владыка Феодорец*»). Вторые составляют лица с более низким социальным или коммуникативным статусом, часто выступающие в роли жертв (*Дръдилец, Душилец, Андреец*). В рамках одного текста наблюдаются колебания между исходной формой и дериватом на *-ец* (*Ярослав vs. Ярославец*). Дополнительным фактором выбора формы на *-ец* выступает пациентивность персонажа: когда герой является контрагентом или жертвой, форма на *-ец* встречается чаще. Берестяные грамоты (32 вхождения) показывают, что семантика более низкого статуса (должники, слуги, посыльные) статистически значимо доминирует над прямой негативной оценкой (биномиальный критерий, $p < 0,05$). К XV в. суффикс *-ец* начинает специализироваться на маркировании именно социального (а не ситуативно-коммуникативного) статуса. Полоцкие грамоты XV–XVI вв. подтверждают эту тенденцию: слуга Мартин Проселок фигурирует как *Мартинец* исключительно в роли ответчика в суде, тогда как в других контекстах употребляется полная форма [Хорошкевич 2015].

В официально-деловых текстах Московской Руси (177 вхождений) с середины XVI в. формы на *-ец* институционализируются в финальных формулах («*а писал X*», «*X руку приложил*»), где они маркируют имена свидетелей и писцов, противопоставленные полным именам контрагентов сделки. Параллельно формы на *-ец* используются в челобитных для этикетного самоуничижения адресанта [Полонский 2012]. К концу XVI в. намечается сужение продуктивности данного суффикса: 35% всех вхождений приходится на имя *Иванец*, а к XVII в. суффикс *-ец* постепенно вытесняется дериватами на *-ко/-ка* и *-шко/-шка*.

Заключение. Выбор суффикса *-ец* в древнерусских антропонимах определялся комплексом семантических, прагматических и социолингвистических факторов. Суффикс не обладал ингерентной пейоративностью: его пейоративные коннотации всегда были адгерентными и могли усиливаться лексически. В летописях XI–XIII вв. значения негативной оценки и низкого статуса представлены параллельно, причём пациентивность персонажа служила дополнительным фактором выбора формы на *-ец*. В берестяных грамотах доминирует семантика низкого статуса, а к XV в. намечается специализация суффикса на маркировании социального статуса. Наиболее радикальные изменения происходят в XVI в., когда формы на *-ец* институционализируются в челобитных и финальных формулах грамот. К XVII в. суффикс *-ец* утрачивает продуктивность и вытесняется другими гипокористическими суффиксами. Дальнейшие исследования могли бы уточнить причины большей жизнеспособности суффиксов *-ко/-ка* и *-шко/-шка* в старорусском языке.

Литература

Варбот Ж. Ж. Паславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1. М., 1901.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей. М.: Индрик, 2006.

Полонский Д. Г. Самоуничижительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI–XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 81–112.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты как исторический источник // Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. Т. 1.

Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // *Language*. 1996. Vol. 72. No. 3. P. 533–578.

И. В. Вернер

Институт славяноведения РАН

(Москва, Россия)

inna.verner@mail.ru

Грамматика и синтаксис библейского паратекста в кратких содержаниях евангельских глав старопечатных изданий 1657–1814 гг.

Краткие содержания (суммы) евангельских глав впервые появляются в служебном Евангелии 1657 г. и затем воспроизводятся без изменений в старопечатных изданиях Евангелий и Новых Заветов до начала XIX в. Авторство этого паратекста атрибутируется Епифанию Славинецкому, ориентировавшемуся на латиноязычные суммы греческих изданий второй половины XVI в. [Вернер 2025].

Будучи переработкой латинского образца, суммы Епифания обладают яркими лингвостилистическими особенностями. Они связаны как с влиянием латыни (синтетический пассив в соответствии с *praesens indicativi passivi*, сочетание *подобает* + инфинитив на месте герундива, дательный самостоятельный и двойной винительный в соответствии с *ablativus absolutus* и *accusativus duplex*), так и с самим типом текста, предельно сжато и при этом максимально информативно передающего содержание евангельского текста.

Отражая общеевропейский процесс перехода от развернутых предикативных конструкций к однословным номинативным в заголовках и оглавлениях книг [Podtergera 2010], суммы Епифания сочетают в себе различные синтаксические варианты: предложение, синтагму, инфинитив и имя. Ср. весь набор этих возможностей в суммах Мф:6 *а̑: Милостына. е̑: Молитиса. д̑: Составлати брату. с̑: Постъ. ө̑: Сокровищствовати. к̑д: Бгъ, и маммина. л̑г: Подобаетъ искати первъе цр̑ства бж̑а, и правды егв.* Во многих заголовках представлена конкуренция имени и глагола. Эта вариативность, связанная с употреблением субстантивированного инфинитива как отглагольного существительного, обусловлена влиянием латыни, но не дословным переводом латинских сумм: славянский инфинитив в суммах может соответствовать латинскому имени.

Еще одной характерной особенностью организации текста как славянских, так и латинских сумм является синтаксическое единство отдельных заголовков в рамках краткого содержания одной главы. Такие сквозные заголовки обозначаются несколькими разными стихами соответствующей главы Евангелия, но при этом объединяются сочинительной или бессоюзной связью. Грамматическая форма компонентов такой квазисинтагмы может быть различной, ср. в суммах Мк:14: *в̑: Оуготовляють оуч̑цы пасху И̑су. к̑в: Ст̑юю вечерю г̑бню;* Ин:1: *м̑: Званіе Андреово. м̑в: Петрово. м̑г: Филип̑ово. м̑е: Наванаилово;* Лк:21: *е̑: С̑ разорен̑и ст̑лища. ө̑: И Иер̑лима.*

Функционирование сумм отдельной главы как синтаксического целого обуславливает и возможность оформления некоторых заголовков как одиночных предикатов без выраженного субъекта, если он был назван ранее: Мф:14: *г̑: Иванны*

крѣтителъ чesw ради в темницу всадиса. ѿ: Гѡбезглавлаетса; Мк:11: а: Хрѣтось градетъ во Иеросолумъ на ослати съдѡ. вѣ: Алчетъ.

Подобный тип синтаксической организации сумм, как и конкуренция именных и глагольных конструкций, часто также не зависит от латинского текста и является собственной чертой церковнославянского языка, привнесенной Епифанием Славинецким в евангельский паратекст. Синтаксические и стилистические особенности сумм старопечатных Евангелий в значительной мере противопоставляют их характеристикам стандартных церковнославянских текстов.

Источники

Четвероевангелие. Москва: Печатный двор, 29 августа 1657 [7165].

Литература

Вернер И. В. Епифаний Славинецкий как переводчик *summaria capitulorum* в старопечатных служебных Четвероевангелиях // Славяноведение. 2025. № 2. С. 59–74.

Podtergera I. A. "Beinhalten" auf Kirchenslavisch // *Russica Romana*. 2020. Vol. XVII. S. 43–87.

Е. А. Галинская

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru*

Числовые формы существительных с вещественным значением в старорусских памятниках письменности делового и бытового содержания

В памятниках письменности древнерусского периода у целого ряда существительных с вещественным значением присутствуют формы не только единственного, но и множественного числа. Распределение форм ед. и мн. ч. вещественных существительных в древнерусский период было относительно свободным при преимущественном преобладании форм ед. ч., хотя в некоторых случаях уже начала намечаться тенденция к обозначению формами мн. ч. видов / сортов вещества.

Имеет смысл посмотреть, что происходит с вещественными существительными в более поздний – старорусский – период, и определить, есть ли отличия от той картины, которая восстанавливается по памятникам древнерусского периода. В докладе будет рассмотрен материал деловых и бытовых текстов XV–XVII вв. из старорусского подкорпуса НКРЯ (ruscorpora.ru).

Существительные *мясо*, *сало* и *сыръ* в формах мн. ч. в ряде контекстов могут употребляться в вещественном значении без отличий в семантике от форм ед. ч., напр.: *А на ту кормку хлѣбы и мясо покупано* [Приходо-расходные книги Приказа тайных дел (1664–1665)] // *По указу великого государя, на ево государевъ Потѣшной Дворъ в Семеновское, на покупку мясь, птицамъ на кормъ, десять рублевъ.* [Там же].

Для слов *медъ*, *пиво*, *вино*, *квась* есть контексты, в которых формы мн. ч. а) употребляются в чисто вещественном значении, б) указывают на сорта напитков. Ср.: а) *А у людей своих по дворам и у крестьян по деревням пив и вин про себя не варили, и корчем не держали, и вина у себя в отвоз не продавали* [Грамота ц. Бориса Федоровича в Курмыш <...> (1600)]; б) *Посланникомъ: по четыре чарки вина двойного <...> да медовъ вишневого, малинового, обарного, по крушкъ же, по три крушки меду цыженого* [Договор относительно некоторых подробностей обоюдного приема русских и датских послов <...> (1684)]. По-другому обстоит дело со словом *питие/питье* (напиток, в том числе хмельной). Очевидных примеров, где у форм мн. ч. обнаруживалось бы значение ‘напиток вообще’,

нет, формы мн. ч. всегда используются, когда речь идет о разных видах напитков, напр.: *медовыхъ и иныхъ питей добыть негдѣ* [Отписка патриарху Никону <...> (1656)].

Существительные, обозначающие злаки, и слово *сѣно* свободно используются во мн. ч. в вещественном значении: *А еровои, государь, ваи хлеб – авсы ваии и ечмени и гречиши – добры* [Грамотка приказчика Р. Васильева <...> из д. Тельчья (1671)]; *Книга записная сѣнамъ, что даваны сѣна во Псковѣ и въ Великомъ Новгородѣ* [Записная книга Московского стола (1662–1663)].

Слова, обозначающие ткани, нередко употреблялись во мн. ч., причем в одном и том же контексте в качестве однородных членов могли выступать обе числовые формы таких существительных, например: *И всего за бархаты и за камку и за тафты денегъ 199 р. 2 ал. съ полуденгою* [Расходная книга денежной казне (1613–1614)]. Однако мн. числом обозначаются и сорта тканей: *2000 аршинъ камокъ адамашокъ разныхъ цвѣтовъ*. [Росписи узорочным товарам <...> (1636)].

Наконец, у некоторых существительных наблюдается дифференциация форм ед. и мн. ч. в зависимости от соотношенности их денотатов с одним или несколькими другими объектами: *А под полатою ледник, а держат на нем квас про братью житной* [Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря <...> (1621)] // *А позади игуменских келей пять ледников каменных, а летом в них живут квасы* [Там же]; *да двои ж шапки женских, одна под отласом под червчатым, другая бархат цветной* [Явочная челобитная <...> (1584)] // *да три сорочки на налой подъ образы, отласы золотные* [Устав церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе (1634)].

Таким образом, ситуация со значениями форм мн. ч. вещественных существительных изменилась по сравнению с ситуацией, восстанавливаемой по памятникам письменности древнерусского периода. Здесь наблюдается картина, переходная от древнерусской к современной: в частности, в XV–XVII вв. для целого ряда слов наряду с общим вещественным значением (в дальнейшем оно из языка уйдет) фиксируется и значение ‘разновидность / сорт’, которое у одних существительных в дальнейшем сохранится, а у других утратится.

Д. В. Герасимов

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
danilagerasimov2212@gmail.com*

Семантическая сочетаемость полужнаменательного глагола (у)чинить(ся) в переводах иностранной прессы второй половины XVII в.

Исследователи истории немецкого литературного языка XVII–XVIII вв., характеризуя лингвистические особенности немецкой периодической печати раннего нового времени, отмечают обилие в ее языке «продуктивных глагольно-именных словосочетаний» [Гухман, Семенюк, Бабенко 1984] с полувспомогательными глаголами *halten*, *bringen*, *thun* и др. В специальном издании, посвященном языку немецких газет (см. U. Demske-Neumann, K. Keinästö в [G. Fritz, E. Straßner 1996]), отмечается характерный для периодики так называемый *Nominalstihl*, когда вместо глагольного предиката в тексте употребляется либо сочетание существительного с предлогом в качестве свернутой предикации, либо сочетание существительного с полувспомогательной связкой. С такой характерной особенностью немецкого синтаксиса приходилось иметь дело переводчикам курантов – обзоров иностранной прессы, составлявшихся переводчиками Посольского приказа с середины XVII в. для царя и боярской думы. Наблюдение над неопубликованным

материалом 1691 г., а также над опубликованными текстами 1660–1670-х гг. позволило сделать вывод о крайней продуктивности использования переводчиками свободных сочетаний с глаголом *(у)чинить(ся)*. Только материалы за 1691 г. содержат более сотни примеров употребления этого глагола в роли *Oper* и *Func* (его возвратного варианта). В отличие от современного языка, в XVI–XVII вв. этот глагол мог сочетаться с предикатами-существительным гораздо более разнообразных семантических классов. Так, О. С. Русанова [2022] предлагает следующие ситуации, описываемые сочетаниями с этим глаголом: 1. Юридические распоряжения. 2. Насилие, вред. 3. Фиксация речевых действий. 4. Помощь, мир (на наш взгляд, эти два типа ситуаций слабо коррелируют между собой). Согласно данным Е. Э. Базарова [2018], в XVIII в. сочетания с этим глаголом сосредотачиваются в основном на «словах с отрицательной семантикой», то есть наблюдается определенная динамика, иную сторону которой освещают куранты. В отличие от текстов, которые были рассмотрены исследователями выше, куранты описывали совершенно иной тип ситуаций, чем официальные грамоты и договоры XVII–XVIII вв. Там преобладали описания масштабных военных столкновений, перемещений и других действий; политические процедуры и события. В связи с этим в курантах наблюдается как ряд схожих с деловой письменностью сочетаемостных возможностей *(у)чинить(ся)*, так и иной набор предикатов, которые исследователями не фиксировались.

Если говорить о сходствах, то это такие предикаты, как *миръ*: «Но малое в томъ явление, что ихъ принять, и *миръ с* нимъ *учинить*» (нем. Frieden tractiren). *Премиие*: «Скоряе с салтаномъ турскимъ *премиие учинять* здѣсь» (нем. mit der Ottomannischen Porta in einen Stillstand der Waffen ... einwilligen). Также валентность совершаемого действия в курантах заполняют и множественные отрицательно оцениваемые действия. Встречаются и сочетания с существительным *помочь*: «вбещая ему нарочитю *помочь учинить*, в пребудущемъ воинскомъ походе^{де} проти^в еранцузъ» (нем. нет). Фиксируются в курантах и различные речевые действия: «а на цесарскую дружественную грамоту письменной *и^мвѣтъ учине^н*» (нем. нет).

Далее перейдем к отличиям. Этот глагол образовывал стереотипную формулу, с помощью которой вводился источник сообщения: «Из словенской земли *вѣдомо чинятъ*» (Aus Slavonien hat man diese verlässliche Nachricht). В НКРЯ такие примеры немногочисленны и относятся к началу XVIII в. Заметна схожесть этой формулы с немецким оборотом *bekannt machen* (пассивное причастие от ‘знать’ + ‘делать’). В курантах также присутствуют контексты, которые фиксируют употребление *(у)чинить(ся)* для описания военных маневров: «тоурки у іллока собираются і в словенскую землю непрестанно воинский *промысль чиня^м*» (нем. mit Kriegs-Progr[essen] avanciren); «в^м, часу на неприятелский обо^з *нападение*, і великой *пристѣпъ учинил*» (нем. angegriffen). Заметны употребления с явно положительно окрашенными предикатами: ««о^н же, везирь, всякое *радѣние чинитъ*, что болшии силы воинские со^братъ» (нем. нет); «впре^д радѣти буду ваше^н любви мужественнымъ воискама елико возможно буде^т *блго гчинить*» (нем. alles gutes zu erzeugen). В своем возвратном варианте глагол мог играть роль связки *Func* и *Corul* при предикатах эмоционального состояния: «о^н же сказывае^т, что при турскомъ дворѣ великое *смѣщеніе* и *страхованіе* о^т послѣдняго бою *учинилось*» (нем. нет); «понеже москва обещающую ревностъ не оказуютъ, і порѣта са^мную надежду *гпряма гчинилась*» (нем. halsstarrig gemachet werden).

Наблюдения как над опубликованными, так и над архивными материалами, позволяют сделать вывод, что зачастую употребление глагола в роли вспомогательной связки поддерживалось таким же глагольно-именным комплексом в оригинале, так что обилие различных подобных предикативных единиц может быть отнесено к влиянию немецкого газетного стиля.

Литература

Базаров Е. Э. Учинить выдачу – выдать. Некоторые полузнаменательные глаголы делового языка XVIII века (на материале памятников забайкальской деловой письменности) // Русская речь. 2018. № 4. С. 95–100.

Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984.

Русанова О. С. Глагольно-именные сочетания как средство стандартизации в русских грамотах XVI–XVII вв. // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и Филология. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 688–696.

Demske-Neumann U., Keinästö K. Bestandsaufnahme zum Untersuchungsbereich «Syntax» // G. Fritz, E. Straßner (Hg.). Die Sprache der ersten deutschen Wochenzeitungen im 17. Jahrhundert (= Medien in Forschung und Unterricht. Serie A, 41). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. S. 70–140.

Д. С. Крылов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

krydmi@mail.ru

Диттографии гласных в берестяных грамотах и древнерусское ударение

В докладе будут продемонстрированы определенные статистические закономерности в распределении диттографий гласных в корпусе берестяных грамот по ударным и безударным слогам. Неприкрытые гласные, как выясняется, диттографируются крайне редко (всего три раза, два из которых исправлены писцом: *по:кла:на:{А}>е* 422, *Ѹ* *{Ѹ} грицина* 935, *бретее{е}>ю* 289), что не позволяет делать какие-либо статистические выводы относительно их связи с ударением¹⁴. Диттографии же прикрытых (постконсонантных) ударных гласных случаются почти столь же часто, сколь и диттографии безударных, несмотря на то что встречаться ударные гласные должны реже безударных примерно в 2,27 раза¹⁵. Но здесь точные подсчеты зависят от реконструкции ударения в трех спорных примерах.

Бесспорных диттографий прикрытых ударных гласных (включая исправленные писцом) в берестяных грамотах семь: *жила{á}* 487, *стрѣ{ѣ}ль* 1007, *емѸ{Ѹ}* 731, *Васи{ú}ль* 355, *в го{ó}родо* 415, *ва{á}мь* 41, *ѿго|{ó}* 92. Бесспорных диттографий прикрытых безударных гласных шесть: *сторóва{а}* 1009, *пр|о{о}* *живóто* 944, *по{о}клáнá<ние>* 103 (см. ниже), *Те{е}рétнию* 1097, *пла{а}тáце* 131, *жéребе{е}* 477. Бесспорны эти примеры в большинстве случаев потому, что древнейшие письменные фиксации соответствующей

¹⁴ В системе обучения чтению по складам [Успенский 1970/1997] все прикрытые гласные (в составе складов типа CV, CCV и т. д.) произносились трижды: сначала как названия букв, затем в составе образовавшегося с предыдущими согласными слога и затем еще раз в составе слова, тогда как неприкрытые лишь дважды – сразу как обозначаемый ими слог и затем в составе слова [Петрухин 2020: 109]. Вероятно, правила чтения по складам тем или иным образом конвертировались в правила внутреннего диктанта, в связи с чем лишний раз произносимые постконсонантные гласные имели больший шанс быть повторены по ошибке.

¹⁵ Этот расчет основан на данных подкорпуса целиком сохранных грамот, доступных в НКРЯ. Из общего числа гласных букв (подсчитываемых автоматически) вычитаются гласные, относящиеся к цифири (выгружаемой из запроса к НКРЯ), что дает общее количество гласных звуков в подкорпусе. Количество же ударных гласных определяется как количество «корпусных слов» (последовательностей, разделенных пробелами) за вычетом общего числа не составляющих слово букв, цифр и клитик (полные списки проклитик и энклитик можно получить в [Зализняк 1985: 145-146]).

словоформы в великорусских акцентуированных памятниках [Зализняк 2019: 43 – 81] отражают единственное место ударения, совпадающее с тем, которое предсказывает праславянская сравнительно-историческая реконструкция (в случае с христианскими именами Βασίλειος и Terentius – с ударением в языке-источнике). Некоторые примеры (из №№ 103, 131) бесспорны потому, что ни реконструируемое древнее место ударения, ни место ударения в древнейших фиксациях слова в памятниках не совпадают с местом диттографии.

Три случая, теоретически допускающие разногласия исследователей, таковы:

1) *поокла{á}нн{á}ние* 379 [кон. XII в.] имеет двойную акцентовку в древнейшей фиксации (РГБ, ф. 113, № 490, 1246 [1543 г.]); более поздние фиксации отражают правосторонний дрейф ударения, а сравнительно-историческая реконструкция указывает ударение на корень – остается только гадать, мог или нет этот акцентный сдвиг произойти уже в конце XII в.

2) *єло{ó}вои* 928 [сер. XV в.] – здесь, напротив, «техника акцентных маркировок морфем», имплицитно содержащая сравнительно-историческую реконструкцию праславянского ударения и гипотезу о его предопределенности в производных словах ударением в производящем слове, предсказывает окситонезу¹⁶, не отраженную никакими древними письменными памятниками.

3) *Гри-{ú}шка* 131 [кон. XIII в.]. Как ни забавно хотя бы теоретически допустить окситонезу в этом слове (ни одной фиксации конечного ударения в гипокористиках на *-шка*, разумеется, не зафиксировано), для уменьшительного суффикса *-ьк-(а)* (явно тождественного в апеллятивах и антропонимах) А. А. Зализняк указывает маркировку «↓ (следы →)» в [Зализняк 1985: 421]. Эти «следы →» как будто подтверждаются словами *дъчькá* и *Елкà* (*Мáлцовъ*, имя русского посла в Ногайской Орде – вероятно, от *Елисей* или *Елеазар*; РГАДА, 201-1-163 (Никоновская летопись) [1558~1570-е]) [Зализняк 2019: 188, 813].

Таким образом, теоретически возможная пропорция диттографий ударных и безударных прикрытых гласных может быть 7:9 (если все три спорных случая трактовать как диттографии безударных), 8:8 (если только два), 9:7 (если только один) или 10:6 (если ноль). В первом случае, как показывают статистические расчеты¹⁷, такие данные могли получиться случайно с вероятностью ~28%, во втором – ~10.6%, в третьем – 5.24%, в четвертом – 1.1%.

Нетрудно заметить, что исследователя, пошедшего по первому пути легко уличить в непоследовательности: в более древнем примере (1) он предпочитает расставлять ударения по древнейшим фиксациям, в более поздних (2 и 3) – по «технике акцентных маркировок», реконструирующей, по сути, праславянское ударение. Не вполне объяснима будет и позиция второго исследователя, для которого чистая реконструкция имеет больший вес, чем поздние фиксации, хотя расстояние от распада праславянского до берестяных грамот больше, чем от эпохи берестяных грамот до эпохи акцентуированных памятников (последние, собственно говоря, пересекаются). Позиция четвертого исследователя (получившего бесспорно статистически значимый результат) более последовательна (ударение XII в. он реконструирует «сравнительно-исторически», а XIII и XV в. – с опорой на памятники), но его можно обвинить изобретении критерия *ad hoc* с целью выдуть желаемое за действительное. Наиболее скептический исследователь, доверяющий только показаниям письменных памятников, пойдет по третьему пути, поставив ударение в словах *єло{ó}вои* и *Гри{u}шка* в место диттографии, а в слове *покла{а}нение* – правее, и придет к *p-value*, крайне незначительно превышающему 0.05 (стандартное значение уровня значимости статистических гипотез в современных исследованиях). Парадоксальным образом, именно такой скептик вынужден будет

¹⁶ Для корня *-ел-* и суффикса *-ов-* реконструируется минусовая маркировка [Derksen 2007: 139; Зализняк 1985: 423].

¹⁷ Т.н. точный тест Фишера для таблицы сопряженности 2x2.

согласиться с тем, что между диттографиями постконсонантных гласных и древнейшими фиксациями ударений в соответствующих словоформах наблюдается сильная зависимость (конечно, потенциально опровержимая материалом будущих находок грамот). Если эта связь есть, то необходимо признать (с известными оговорками) возможность экстраполяции акцентологических данных словаря Зализняка по крайней мере на период с сер. XII в. по сер. XV в., к которому относится собранный нами материал.

Психолингвистическая интерпретация этой связи пока может быть лишь предметом спекуляций.

Литература

Успенский Б. А. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 246 – 288.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2019.

Петрухин П. В. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 103–128.

Derksen R. Etymological dictionary of Slavic inherited lexicon. Leiden, 2008.

В. Б. Крысько

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

vbkrysko@yandex.ru

О дополнениях и исправлениях к Словарю древнерусского языка

Исправления, прилагаемые к томам СДРЯ начиная с V тома, и Дополнения, помещенные в XI–XIII томах, к сожалению, редко привлекают внимание пользователей Словаря, что на деле приводит к неучету новейших научных данных во многих работах по истории русского языка.

Помимо существенного расширения наших представлений о словарном составе древнерусского языка за счет нового лексического материала, по разным причинам пропущенного в вышедших ранее томах, Исправления и Дополнения могут внести определенный вклад и в исследования по исторической грамматике.

В частности, вновь обнаруженные факты из памятников позволяют пополнить список глаголов с чередованием нормальной ступени огласовки корня (*e*) в инфинитиве и нулевой ступени (\emptyset , на славянской почве *ь*) в наст. вр. (*веречи – вьргу, речи – рьку, брести – брьду, жечи – жьгу*), еще одним глаголом, образование которого до недавнего времени оставалось загадочным. Речь идет о формах с корнем *ньз-*, которые чаще всего встречаются в прош. вр. (*възньзь, вьньзень, вынезь, вынзе, пронзе, оуньзе*), что побуждало лексикографов в лучшем случае колебаться между реконструкцией инфинитива на **-нжти** (*-ноути*) и корневого инфинитива (ср. Slovník jazyka staroslověnského: **възнисти, вьнисти, пронисти,**

оунисти; Словарь русского языка XI–XVII вв.: [**нисти**]¹⁸ или [**ньзнути**]), в худшем – изобретать несуществующие инфинитивы (см. СДРЯ: **възньзити, выньзати, выньзти**; Словарь русского языка XI–XVII вв.: **вонзти (въньзти), вонзтися, пронизти (проньзти)**; ЭССЯ: ***nyzti**. Под влиянием решения, принятого в Словаре старославянского языка (Slovník jazyka staroslověnského), в нескольких томах обоих русских исторических словарей образования, не содержащие суффикса *-ну-*, были отнесены к инфинитиву *низти* (см. СДРЯ: **низти**, а также Исправления в V т.: **вънизити, вынизити**; Словарь русского языка XI–XVII вв.: **пронизти, пронизтися, снитися**). Наличие в памятниках нескольких форм от основы наст. вр. без *-ну-* (презенс *въньзетьса* Триодь XI/XII, Тип. 138, 4 об.; *пронзуть* ЛЛ 1377, 58а; *възнетъ* [вм. *-ньз-*] Физ., 248. XV в.; прич. наст. вр. сов. вида *выньза* ЛЛ ок. 1425, 158 об.; повел. **въньзи** Ин 18.11 Зогр; *проньзи* Пал 1406, 143б; имперфект *ньзаше* Пал 1406, 198г) дает веские основания отказаться от реконструкции инфинитива (*-*)*ньзнути* для всех случаев, где суффикс *-ну-* отсутствует. Что же касается вокализма корневого инфинитива, то выбор здесь возможен только между *и* < **eĭ-* (если ориентироваться на аналогию *чисти / чьту, цвисти / цвьту*) и *е*. Думается, что аргумент, приведенный Н. Ван-Вейком [1957: 336]: «...так как существует ц.-слав. *-нозити*, то инф. **-nesti* более вероятен, чем **-nistī*», – едва ли может быть опровергнут гипотезами об аналогическом образовании форм с *о* (сюда же, конечно, относятся *заноза* и *ножь*) [ЭССЯ 26: 69], и на фоне аблаутов *брести / брьду / бродити / бродь, перети / пьру / запорь, везу / возити / возь, несу / носити / (водо)нось* (невозможных для глаголов с *и* < **eĭ-*) чередование *ньзу / нозити / ножь* вряд ли допускает реконструкцию иного инфинитива, помимо **nezteĭ* > *нести* (см. также [Koch 1990: 586–587]). Именно такой инфинитив (с поправкой на графически условное *-зити*) принят теперь в СДРЯ [IX: 108; XI: 711, 713]¹⁹.

Литература и словари

- Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
 СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IX. М., 2012; Т. XI. М., 2016.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд. Вып. 26. М., 1999.
Koch Ch. Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums. Bd. 2. München, 1990.

Е. А. Мишина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 (Москва, Россия)
 kmishina@mail.ru*

Об особенностях аспектуальной семантики некоторых глаголов движения в истории русского языка

Доклад будет посвящен анализу особенностей развития аспектуальной семантики простых бесприставочных глаголов движения и тем изменениям в их функционировании, которые произошли на протяжении исторического периода.

¹⁸ Квадратные скобки в этом словаре указывают на ненадежность реконструкции.

¹⁹ Начальные формы на *-незити* в Словаре русского языка XI–XVII вв. s. v. **вънезити (въньзти), вынезити (выньзти), изнезити (изньзти)** отражают не исходное состояние, а условную вокализацию *ь* (в действительности отсутствовавшего в инфинитиве).

Класс простых бесприставочных глаголов с точки зрения выражения аспектуальной семантики был неоднороден уже в древнерусском языке и включал в себя не только глаголы, неохарактеризованные по виду [Кузнецов 1953: 224–229, 258–259; Силина 1982: 274; 1995: 376–377; Кукушкина, Шевелёва 1991, 45–47], но в том числе и глаголы, которые выражали только (или преимущественно) семантику одного из видов [Мишина 2018; Mishina 2026]. Так, например, глаголы ненаправленного движения (*бѣжати*, *водити*, *носити*, *ходити* и др.) в древнерусском языке, как и в современном русском, уже функционировали как глаголы несовершенного вида. В тот же период глаголы направленного движения с точки зрения аспектуальной семантики входили в самую центральную группу (употреблялись в контекстах, типичных как для совершенного, так и несовершенного вида), а некоторые из них (*ѣхати*, *ити*, *бѣжати*) были ближе к полюсу совершенного вида. В дальнейшем многие из глаголов направленного движения довольно долго сохраняли видовую неохарактеризованность, но тем не менее все они постепенно сдвинулись в сторону несовершенного вида: в современном русском языке сохранились только отдельные архаичные реликты их былой неохарактеризованности. Таким образом, в отношении развития аспектуальной семантики глаголы направленного движения проделали большой путь (от полюса совершенного вида к полюсу несовершенного вида), и этим они интересны. В докладе мы попытаемся выделить и проследить различные этапы и вехи на пути данного диахронического движения от семантики одного вида к другому.

Литература

- Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 2. 1953. С. 220–253.
- Кукушкина О. В., Шевелёва М. Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1991. № 6. С. 38–49.
- Мишина Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 161–182.
- Мишина Е. А. (в печати) Развитие аспектуальной семантики глагола *ехать* в диахронической перспективе.
- Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология: глагол. М., 1982. С. 158–279.
- Силина В. Б. Видо-временные отношения // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 374–464.
- Mishina E. The Annotation of Verbal Aspect in Diachrony: Parameters, Algorithms and Problems // Scripta & e-scripta. Vol. 21. Sofia., 2021. P. 125–140.
- Mishina E. On the development of the aspect of simplex verbs in Russian in a diachronic perspective // The Slavic Verb. Part 1-2. Part 2: Language-Specific Perspectives (= Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 49) / Ed. by J. Kamphuis, E. Fortuin, and S. Dekker. Leiden-Boston, 2026. P. 196–227.

Т. В. Пентковская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

pentkovskaia@gmail.com

**Формы сослагательного наклонения в переводах
Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского с греческого языка**

В докладе предполагается рассмотреть нетипичные для русской редакции церковнославянского языка формы сослагательного наклонения, встречающиеся в переводах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского с греческого языка. Это формы 2 л. мн. ч. типа *зналисте бы*, появляющиеся, вероятно, под пером Евфимия в результате исправления Нового Завета после кончины Епифания в 1675 г. Кроме того, это форма 1 л. ед. ч. со вспомогательным глаголом *бымъ* (типа *самъ бымъ хотѣлъ*), обнаруживающаяся в сборнике переводов Отцов Церкви (Москва, 1665) авторства Епифания. Подобные формы 1 л. ед. ч. были обнаружены У. Р. Томсоном и в метаязыке составленного Епифанием в середине XVII в. Греко-славяно-латинского лексикона. Обе формы представлены в Грамматике Мелетия Смотрицкого (как в издании 1619 г., так и в издании 1648 г.) и отражают следование ее правилам. В то же время употребление формы 1 л. ед. ч. со вспомогательным глаголом *бымъ*, отмеченное у Епифания, могло быть унаследовано из практики киевских книжников первой четверти XVII в., так как оно, очевидно, было нормативным для церковнославянского языка Юго-Западной Руси. Кроме того, переводы этого периода, изданные типографией Киево-Печерской лавры, послужили прямыми источниками редакторской деятельности чудовских книжников. Вместе с тем, формы с *бымъ* не обнаруживаются в языке Евфимия Чудовского, а в отношении нормативного статуса форм типа *зналисте бы* он явно испытывает сомнения: в Новом Завете они появляются только в маргиналиях, причем эти варианты были зачеркнуты, вероятно, самим редактором. С точки зрения структуры они могли рассматриваться как особая разновидность форм сослагательного наклонения с дополнительной презентной связкой, хорошо известных и по русским источникам. Вместе с тем для московских книжников было очевидным сходство первой части таких форм с польским прошедшим временем типа *wiedzieliście*, и это обстоятельство, по всей вероятности, перевесило значимость авторитетной грамматики.

Я. А. Пенькова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
amoena@yandex.ru*

В. К. Скрипка

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
vkskripka@yandex.ru*

О грамматикализации неопределенных местоимений на *-то* в истории русского языка

Семантике и дистрибуции неопределенных местоимений посвящена обширная литература. Источники грамматикализации таких кванторных слов с типологической точки зрения достаточно хорошо исследованы, однако формирование системы неопределенных местоимений в истории русского языка изучено фрагментарно. Местоимения серии *-то*, в отличие от форм на *-либо* и *-нибудь*, возникают в истории русского языка достаточно поздно – в середине – второй половине XVIII в. В докладе речь пойдет о конструкциях, ставших

источником грамматикализации неопределенных местоимений на *-то*. Материалом исследования послужили исторические корпуса русского языка на платформе Национального корпуса русского языка в объеме текстов XV–XVIII вв.: старорусский корпус и корпус текстов XVIII в. Рассматриваемый тип неопределенных местоимений имеет необычный с типологической точки зрения источник грамматикализации. Мы покажем, как происходил реанализ, в результате которого комплекс «вопросительно-относительное местоимение + частица *то*» приобретал функции неопределенного местоимения. Реанализ возникал в определенных типах конструкций: при предикатах знания / незнания, присоединяющих относительное предложение, в вопросительных и в восклицательных предложениях, а также в некоторых других конструкциях.

И. А. Подтергера

Гейдельбергский университет

(Гейдельберг, Германия)

irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Структурно-семантическая разметка словаря Фёдора Поликарпова в стандарте TEI/XML

Перевод рукописных и старопечатных словарей в машиночитаемый формат открывает новые возможности для их автоматизированного структурного и сравнительного анализа. Однако для этого требуется строгая и одновременно гибкая схема кодирования внутренней структуры словарных статей, адекватная грамматической и лексикографической традиции раннего Нового времени. Цель доклада – на примере «Лексикона трехязычного» Фёдора Поликарпова (Москва, 1704) реконструировать формальную структуру словарных статей многоязычных словарей XVI–XVIII вв. в контексте межъязыковых контактов и предложить ее цифровую модель на базе международного стандарта TEI/XML.

Разработанная модель базируется на детальном лингвистическом анализе микроструктуры словарных статей Поликарпова. Полный объем формализации и кодирования данных позволяет показать, что Фёдор Поликарпов не просто компилировал материалы, а достаточно систематично следовал моделям европейской лексикографии своего времени. Для иллюстрации этого тезиса структура словарных статей «Лексикона» Поликарпова на отдельных примерах сопоставляется со структурами западноевропейских многоязычных словарей XVI–XVII вв., а также с восточнославянской лексикографической традицией и в первую очередь с греко-славяно-латинским лексиконом Епифания Славинецкого. Такое сравнение позволяет эксплицитно показать механизмы адаптации западноевропейских лексикографических матриц на восточнославянской почве.

Для экспликации и верификации структуры «Лексикона» Поликарпова была разработана схема тегов на базе модулей `DICTIONARIES` и `CORE` стандарта TEI. Она фиксирует как макроструктуру памятника (алфавитный порядок, колонтитулы, рубрики, приложения), так и его микроструктуру (заголовочное слово/лемму, семантические комментарии/дефиниции, греческие и латинские эквиваленты, перекрестные ссылки, грамматическую информацию и др.). Особое внимание в докладе будет уделено кодированию различных типов дефиниций, которые в рукописной и старопечатной традиции лишены современного единообразия, а также способам репрезентации греческих и латинских соответствий.

Разработанная модель TEI/XML-разметки обладает высокой степенью абстракции, поскольку базируется на инвариантных признаках структуры исторического словаря в ситуации языкового контакта. В заключении обосновывается применимость данной модели для анализа других многоязычных словарей XV–XVIII вв., что открывает перспективы для

создания единого цифрового корпуса памятников восточнославянской лексикографии в общеевропейском контексте.

Витторио С. Томелли
Туринский Университет
(Турин, Италия)
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

К проблеме параллельных и повторных переводов: восточнославянские версии гимна *Te Deum*

Среди многократных славянских переводов одного и того же текста следует различать случаи независимого возникновения разных версий (параллельные переводы) и случаи переработки уже существующего перевода (повторный перевод).

На материале рукописных и печатных церковнославянских версий латинского текста *Te Deum* XV–XVII веков анализируются отдельные синтаксические конструкции этого редко встречающегося в церковнославянской традиции сочинения и различные способы их славянской передачи.

Эти особенности рассматриваются как диагностические признаки при разграничении параллельных и повторных переводов.

Д. А. Шведов
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
shveovmismsu@mail.ru

Употребление предлогов *о*, *об* и *обо* в старорусском языке по данным старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка

Употреблению вариантов *о/об/обо*_{Acc/Loc} в современном русском литературном языке посвящено несколько исследований, например [Еськова 2011: 297–300; Иткин 2007: 82–83; Лютикова, Гращенков 2008: 480–506]. Обобщить наблюдения относительно распределения *о/об* можно так:

1. перед гласными, с вин. и предл. падежами – *об*;
2. перед согласными, с вин. падежом – варианты *о* и *об* варьируются;
3. перед согласными, с предл. падежом – вариант *о*.

Вариант *обо* выступает только перед ограниченным числом словоформ, а именно формами местоимений *весь*, *я* (*мне*), *что* (*Обо*_{Acc} *что ты ударился?*). Крайне редко перед словоформами вариант *обо* может встретиться перед знаменательными лексемами (*обо вшах*, *обо мнениш*, *обо льде*). По всей видимости, такое употребление было возможно в первой половине XX в., но для современного русского литературного языка оно уже не характерно.

Диахронические наблюдения, касающиеся использования вариантов *о/об/обо*, малочисленны. Отмечено, например, что «вариант *об* перед согласными не был редкостью у авторов XIX века» [Еськова 2011: 297]. Исследования, посвященные использованию вариантов *о/об/обо* до XVIII в., нам неизвестны. При этом вариант *об* по данным древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)

фиксируется в достаточно ранних памятниках (сохранившихся, правда, в более поздних списках): *об оноу стороноу* (три раза) [Новгородская первая летопись по Синодальному списку] (оригинал XIV в.)²⁰; *не бившиися со псом об одномъ моклокть* [Моление Даниила Заточника] (список XVII в.); *И тѹ есть горá высока велѣми. И велика силѣ. об ѡнь поль лердана* [Хождение игумена Даниила] (список XVI в.). В XV в. вариант *об* встречается уже и в деловом тексте (старорусский подкорпус НКРЯ): *об-ыном о чем* [Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем. Грамота в. кн. Василия Васильевича в. кн. Ивану Федоровичу] (1447). Вариант *обо* фиксируется уже позже, в XVI в.: *еще и обо иныхъ обидныхъ дѣлех* [Псковская 3-я летопись: Строевский список] (1560–1568).

Нами были проанализированы данные старорусского подкорпуса НКРЯ, касающиеся употребления вариантов *о/об/обо*. Данные для *о* мы получили следующим образом: выделили только тексты, для которых характерны бытовая и деловая разновидности языка (согласно разметке НКРЯ), выгрузили два набора данных по 5 тыс. вхождений каждый (запрос – *о & PR*, тип сортировки – *texts randomly, examples in order*). Разделение на эти группы позволяет корректнее оценить устойчивость выявляемых тенденций и снизить риск того, что отдельные частотные всплески или провалы будут обусловлены не языковой динамикой, а случайной концентрацией примеров в отдельных текстах или временных отрезках. Далее эти группы мы будем обозначать как O_1 и O_2 . Для *об* и *обо* были выгружены все вхождения для лексемы *объ* (запрос – *объ & PR*), их общее количество – 1068. Затем путём автоматической обработки были разделены все варианты с гласной на конце (далее – группа *Obo*, 178 примеров) и все варианты, которые либо оканчиваются на согласный, либо оканчиваются на *ъ* или *ь* (далее – группа *Ob*, 890 примеров).

Для анализа мы с помощью компьютерной программы проанализировали тип инициали следующего за предлогом слова. Инициали были разделены по принципу согласный / гласный.

Данные из групп O_1 и O_2 показали, что употребление *о* наблюдается преимущественно перед согласными ($\approx 96\%$ для обеих групп). Хотя относительное количество примеров для гласных не очень велико (менее 4%), абсолютные значения, как кажется, достаточно показательны. Так, в группе O_1 встретилось 164 примера употребления варианта *о* перед гласными, в группе O_2 – 187 примеров для той же позиции. Это может свидетельствовать о том, что система использования варианта *о* ещё не до конца сформировалась.

Для группы *Ob* можно сделать следующие заключения. Во-первых, варианты типа *об* уже в старорусский период были сравнительно широко представлены в позиции перед гласным: абсолютное количество примеров превышает тот же показатель в более объёмных выборках O_1 и O_2 . Во-вторых, вариант *об* достаточно часто используется перед основами на *н*- (246 примеров, $\approx 27,5\%$). При подробном рассмотрении оказывается, что большинство примеров для этой позиции связаны с местоименными формами *немъ, ней, нихъ, насъ* и т. п. (227 примеров). Практически все остальные примеры связаны либо со словом *нощь* (*А тамо наше воинство об нощь пребыло и обрѣтоша в шатрѣх и в станѣхъ бусурманскихъ немало корыстей* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском]), либо ограничены одним контекстом. Интересно заметить, что в основном подкорпусе НКРЯ содержится более тысячи вхождений для каждого из сочетаний *об нем, об ней, об них, об нас*. Часть из них приходится на примеры *об + Acc*, но много примеров и для *об + Loc*: *Но Цезарь совсем об нём не помнил, что он тут, за спиной* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича]; *Ну, война. Что мне об ней тебе рассказывать* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго].

²⁰ Здесь и далее цитаты взяты из Национального корпуса русского языка: ruscorpora.ru. При цитировании в квадратных скобках указывается название памятника.

Последняя группа – Обо. Из 178 примеров 162 – употребления варианта *обо* перед *мн-* и *вс-*, формами местоимений *весь* и *я (мне)*. Ещё 6 примеров встречаются в позиции перед группами согласных, первый из которых – плавный (эти инициалы исходно также содержали редуцированный), например, *А говорил мнѣ обо ржевскои деревни Василеи Григорьевич* [Грамотка А. И. Безобразова А. В. Безобразовой] (1689.11.30); *я бил челом обо Львѣ и гсдрѣ пожаловал ево в стряпчие* [И. Одинцов. Письмо В. В. Голицыну] (1675–1680). Употребление варианта *обо* перед такими корнями фиксируется вплоть до XX в.: *Он говорил, что надо проверить прежде всего – все ли у Эйранова в порядке с точками, а обо рве упоминал вскользь* [С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976)], однако для современного русского литературного языка они не характерны.

Есть также пример использования *обо* перед формой *шѣти*: *паликадило серебряное большое обо шѣти поясахъ* [Опись Московского Успенского собора] (1701). Этот корень также содержал слабый редуцированный, перед ним использовались вокализованные варианты других предлогов: *а память осталась во шѣти рублех* [Духовная окольничего Семена Дмитриевича Пешкова Сабурова, с явочной записью 1560 г. июня митрополиту Макарию] (1559–1560).

По данным старорусского подкорпуса можно говорить о конкуренции вариантов *о* и *обо* перед формами местоимений *я (мне)* и *весь*, в которой только к концу XVII в. можно выявить некоторое преобладание варианта *обо*. Например, для *вс-* данные таковы:

Распределение вариантов *о/обо* в позиции перед *вс-* по десятилетиям.

Десятилетие	Количество примеров		
	Группа <i>О₁</i>	Группа <i>О₂</i>	Группа <i>Обо</i>
1600–1610	20	29	0
1660–1670	40	33	34
1680–1690	12	15	44

Литература

Еськова Н. А. О вариантах предлога *о*, *об*, *обо* // Еськова Н. А. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2011. С. 297–300.

Иткин И. Б. Русская морфонология. М., 2007.

Лютикова Е. А., Гращенков П. В. Об одном предлоге о трех формах, о структуре русской именной группы и обо всем остальном // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 480–506.

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

mnsheveleva@mail.ru

К истории русских начинательных глаголов движения с приставкой *по-*

Производные от глаголов направленного движения образования с приставкой *по-* современного русского языка (*пойти*, *поехать*, *побежать* и под.) относят к начинательным (так наз. ингрессивный способ глагольного действия), при этом их значение отличается от инхоативного значения образований от обозначений однородных ситуаций с приставкой *за-* (типа *за шуметь*, *за зеленеть*, так же *забегать* и под.): ингрессивные глаголы обозначают не только начало действия, но и действие как таковое [Зализняк Анна А., Шмелев 2015: 115–116]. Отмечалось, что специализированные модели выражения начинательности (начинательные способы глагольного действия) формируются в русском языке достаточно поздно (см. например [Баженова 1983: 14–16]) и их наличие отличает русский язык от

многих славянских (словацкого, чешского, польского и др.), где образования с теми же приставками *po-*, *za-* не имеют в фокусе начинательности, а наступление ситуации, в том числе направленного движения, свободно выражается инфинитивными сочетаниями с глаголами типа *почать / зачать* [Исаченко 1960: 229–231]. При этом история начинательных глаголов движения с приставкой *po-* в русском языке отлична от истории начинательных глаголов с приставкой *za-*.

Инхоативное значение образований с приставкой *za-* формируется только в старорусскую эпоху (ко второй половине XVI–XVII в.), ранее известны лишь единичные случаи несобственно инхоативных глаголов с этой приставкой, свидетельствующие о развитии начинательного значения из результативного; значение наступления гомогенной ситуации в древнерусских текстах, как и в старославянских, регулярно выражается инфинитивными конструкциями с глаголами *начати / почати* [Юрьева 2020; Шевелева 2023]. В противоположность этому, глаголы направленного движения в сочетаниях с *начати / почати* не фиксируются ни в древнерусских, ни в древнейших славянских текстах (см. списки в [Юрьева 2020: 322–344]). Наступление ситуации движения – ингрессивное значение – регулярно выражалось бесприставочными глаголами направленного движения (*ити, вести, ѣхати* и под.), которые, будучи исконно неохарактеризованными по виду, долго сохраняли свою видовую двойственность и могли в соответствующем контексте передавать ингрессивность, выступая в значении совершенного вида.

Производные с приставкой *po-* от основ направленного движения известны уже в старейших славянских текстах, но в ст.-сл. они существенно менее частотны, чем соответствующие бесприставочные, и в значении приставки здесь на первом плане во многих случаях пространственный компонент – приставка еще нерегулярно перфективирует глагольную основу; в эпоху старейших славянских текстов в ю.-слав. ареале ингрессивное значение глаголов движения с приставкой *po-* не сформировано.

Однако в др.-рус. памятниках уже с раннего времени образования с приставкой *po-* от глаголов направленного движения вполне употребительны и конкурируют с соответствующими бесприставочными основами в контекстах ингрессивности, причем особенно много таких примеров в наименее книжных текстах – это черта живого языка. Древнерусский материал показывает, что начинательное значение глаголов с приставкой *po-* совмещено с результативным: они всегда обозначают «старт» движения (направление задается контекстом), при этом включая и семантический компонент результата, употребляясь в том числе и в таких контекстах, где впоследствии будут вытеснены результативными образованиями с другими приставками (так, *поити, побѣжати* и под. могут иметь значение движения ‘от(сюда)’, т.е. ≈ ‘уйти’, ‘убежать’, ср.: *кнѣже поѣди* (сюда) *Борисъ ти побѣжалъ* (‘бежал, сбежал’) Киевская летопись, 1150 г., 150 об.; *a самъ съ Торожьскоу поиди* ‘уйди’ Новгородская I летопись, 1215 г., 82 об.). В основе своей это уже ингрессивное значение, специфика которого состоит в совмещении начинательного и результативного компонентов в семантике движения; впоследствии сфера употребления каждого из таких глаголов может сужаться. Видимо, в вост.-слав. зоне модель образования начинательных глаголов движения с приставкой *po-* в основном формируется уже в древнерусскую эпоху.

Литература

Баженова С. И. Система способов глагольного действия в древнерусском языке XI–XIV вв. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1983.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М., 2015. С.15–151.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. II. Братислава, 1960.

Шевелёва М. Н. Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* в истории

русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего времени // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1. С.66–95.

Юрьева И. С. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. СПб., 2020. С.296–344.

И. С. Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

iriwonok@yandex.ru

Об изменениях в сочетаемости глагола (НА)ЧАТИ/*начать* в истории русского языка

Доклад посвящён изменению сочетаемости глагола (НА)ЧАТИ²¹/*начать* с инфинитивами в истории русского языка.

В современном русском языке постулируются три основных ограничения на сочетаемость *начать* в таких конструкциях: а) запрет на сочетания с инфинитивами совершенного вида [Падучева 2001: 29], б) запрет на постановку отрицания между частями инфинитивной конструкции [Падучева 2004: 194], в) запрет на сочетания со стативами [Храковский 1987: 163; Булыгина, Шмелев 1997: 54]. В докладе последовательно обсуждается каждое из этих ограничений.

1. Ограничение на конструкции с глаголами совершенного вида у (НА)ЧАТИ существует уже на момент письменной фиксации древнерусского языка. Все случаи употребления инфинитивов совершенного вида имеют своё объяснение и не превышают статистической погрешности как в древнерусских, так и в старорусских текстах.

2. Об абсолютном запрете постановки отрицания между (НА)ЧАТИ и инфинитивом применительно к любому этапу истории русского языка говорить скорее нельзя, хотя абсолютно свободными конструкции «(НА)ЧАТИ + не + инфинитив», вероятно, не были и в древнерусском. В связи с отрицательными (НА)ЧАТИ-оборотами в докладе будут рассмотрены также конструкции с *начати не, стати не, п(е)рестати* и *(за)кончить*.

3. Особенности инфинитивных сочетаний (НА)ЧАТИ/*начать* со стативами рассматриваются в сопоставлении с синонимичными оборотами со *стату/стать*. Сравняется сочетаемость (НА)ЧАТИ и *стату* с инфинитивами начиная с древнерусского периода, но прежде всего с XVI по начало XVIII в. Отдельно рассматриваются конструкции с наиболее распространёнными стативами и их функционирование в инфинитивных конструкциях с **чън*-глаголами и со *стать* с начала их появления в текстах по настоящее время.

В конце доклада обсуждаются те инфинитивы, конструкции с которыми у (НА)ЧАТИ/*начать* появляются позже, чем у глагола *стату/стать*, что дополнительно свидетельствует в пользу того, что современные ограничения сочетаемости у *начать* представляют собою скорее тенденцию, чем строгое правило.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

²¹ Здесь и далее под таким обозначением объединяются различные приставочные производные с корнем *-чън-*: *начати, почати, учати* и *зачати*, между которыми не было существенных отличий в сочетаемости с инфинитивами.

Падучева Е. В. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 4. С. 29–39.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Храковский В. С. Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. С. 153–180.